

СЕРГЕЙ НОСОВ

КНИГА О ПЕТЕРБУРГЕ

Иногда возникает ощущение, что истинное имя этого города нам неизвестно.
Исторические названия города на Неве — лишь приближения к истинному имени, никому не известному.
Но оно есть. И оно — тайное. И никто не знает его, никто.

Сергей Носов

Книга о Петербурге

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 97(47)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

Носов С. А.

Книга о Петербурге / С. А. Носов — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-18487-9

«Книга о Петербурге»... Опасно так называть свое сочинение после романов Достоевского, «Петербурга» Андрея Белого, художественно-вдохновенных прогулок по постреволюционному Петрограду Николая Анциферова... Имен, названий и прочего сколько угодно много, это же Петербург, город вымышленный, сочиненный гением и волей Петра и воплощенный в жизнь на костях безымянных его строителей. Книга Носова уникальна тем, что главный ее герой – сам город, наша северная столица, с ее белыми ночами, корабликом на шпигеле Адмиралтейства, реками и каналами, с ее мифами, ее тайнами и легендами. С этой книгой можно ходить по городу, по странным его местам, о которых вы не прочтете ни в одном из прежних путеводителей. Из книги Носова вы узнаете множество городских историй, которые, мы уверены, будут подлинным открытием для читателя. Книга проиллюстрирована фотографиями из личного архива автора, и это ей дополнительно придает яркий и неповторимый эффект. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 97(47)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-389-18487-9

© Носов С. А., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

С чего-то начать	6
С предыстории?	6
Не наше дело	9
Наше, наше!	11
От него теперь не уйти	13
Одна деревенька	14
Началось...	17
Тайна рождения	17
Остров зайцев	18
На кураже	20
Кавалеры	22
Был или не был?	23
О птицах	25
Неправда ваша	28
Перевернутый	30
Вниз головой	30
Низвергаемый соглядатай	34
Проигравший и победитель	37
Петербургская ночь	39
Футуризм, и не только	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Носов

Книга о Петербурге

– Удивительное место. Я там родился и вырос. Хочу рассказать о нем.

– Как называется?

– Петербург.

– Вы серьезно? О Петербурге уже все есть.

– Да ладно! Моего нет.

В книге использованы фотографии автора и материалы фотобанка Getty Images:

© Getty Images.com/traveler1116

© Getty Images.com/duncan1890

© Getty Images.com/ZU_09

© Getty Images.com/Bellanatella

© Getty Images.com/ideabug

© Getty Images.com/ilbusca

© Getty Images.com/marvod

© Getty Images.com/NataliaBarashkova

© Getty Images.com/Nastasic

© Getty Images.com/zoom-zoom

© Getty Images.com/Vitaly Miromanov

© Getty Images.com/Hngyldyzdktr

© Getty Images.com/Powerofforever

© Getty Images.com/Grafi ssimo

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© С. А. Носов, текст, фотографии, 2020

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство КоЛибри®

С чего-то начать

С предыстории?

Крайний срок предыстории Петербурга – 13 750 000 000 лет. Столько времени тому назад в результате Большого взрыва образовалась наша Вселенная, вследствие чего мы имеем то, что имеем, и Петербург тоже.

С иных мировоззренческих позиций, от Сотворения мира до основания Петербурга прошло 7211 лет. Немного. Есть соблазн примирить эти несоразмерные сроки, представив, например, шкалу «от Сотворения мира» в логарифмическом масштабе (чем глубже в прошлое, тем дольше длится библейский год, тем больше в нем наших простых, календарных лет), но не дадим увлечь себя спекулятивными теориями. Отметим только, что Петербург был основан Петром на четвертом году после отмены старого летоисчисления. Имеется в виду именной указ от 19 декабря 7208 года «О писании впредь Генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от Сотворения мира».

Далее.

Не задерживаясь на событиях межгалактического масштаба, отметим дату, имеющую прямое отношение к нашей теме: 4 500 000 000 лет назад в общих чертах сформировалась Солнечная система, включающая в себя наравне с другими объектами небесные тела, осколки которых падают на Землю с момента образования планеты, – а посему о коллекции метеоритов, затеянной при Екатерине II, поговорим в свое время.

1 700 000 000 лет назад (возможно, позже – лет так на восемьдесят миллионов) в результате сложного процесса гранитообразования, связанного, насколько это доступно нашему пониманию, с проникновением магмы в верхние слои континентальной коры, получился массив, именуемый Выборгским, – один из крупнейших гранитных массивов материка. Именно

его граниты, известные под названием «рапакиви» (на финском это «гнилой» – возможно, намек на болота), использовались при строительстве Петербурга.

450 миллионов лет – возраст осадочных пород, сформировавших «путиловский камень», который, к примеру, лежит у нас под ногами, когда мы поднимаемся по старым петербургским лестницам.

Нижняя юра, 280 миллионов лет до нас. Моллюски этой далекой эпохи дали нам известковые отложения других достоинств, – непосредственные срезы окаменелостей будем различать на облицовочных плитах, украшающих некоторые городские сооружения. Но это так, для полноты картины...

110 000 лет тому назад начался последний ледниковый период. Огромный кусок скалы, выломанный, по-видимому, в Скандинавии, был превращен в гигантский подкругленный валун по мере его продвижения с колоссальным массивом льда к шестидесятой широте и тридцатой долготе современной системы географических координат. Никаких камней, даже близких ему по размерам, в окрестностях нет (во всяком случае, на поверхности земли). Знаменитый Гром-камень, сильно обтесанный, послужит постаментом для конной статуи Петра – Медный всадник станет символом Петербурга.

Около 12 тысяч лет назад ледник отступил, оставив за собой Балтийскую котловину, стремительно заполняемую талой водой. В результате геологических процессов вновь образующиеся озера и моря сменяли друг друга, пока около 4000 лет назад не сформировалось Балтийское море в берегах, которые нам сегодня известны. Примерно тогда же (или позже «немного») образовалась река Нева, без которой немыслима история Петербурга.

В V тысячелетии до н. э. на территории нынешнего города – в устье реки Охты, аккуратно на месте, где первоначально хотели построить небоскреб для штаб-квартиры Газпрома, – уже поселялись люди. Памятники эпохи неолита известны в ближайших окрестностях Петербурга. Примечательно, что башню Газпрома, высочайший небоскреб в Европе, в конечном итоге воздвигли в Лахте, сравнительно близко от другой стоянки древних людей.

30–60-е годы н. э. – деяния апостола Петра в разных, впрочем далеких от Балтийского моря, краях. Будущий основатель Санкт-Петербурга назовет его небесным покровителем города.

Другой покровитель города – Александр Невский. В 1240-м там, где Ижора впадает в Неву, князь Александр Ярославович одержит победу над шведами.

(Кстати, об ижоре как автохтонном населении... Если бегло, то так: территория будущего СПб в те времена принадлежала обширной земле, на которую распространялась власть Новгорода.)

1300. Новая попытка шведов закрепиться на Неве: строительство на Охтинском мысу форта Ландскрона – в границах современного Санкт-Петербурга. Атакован и уничтожен новгородцами весной 1301-го. Как показали раскопки, крепость была древо-земляной: в этих краях ощущался дефицит камня. (И похоже, дефицит времени.)

1323. Князь Юрий Данилович у истока Невы строит крепость Орешек. В тот же год заключен Ореховецкий мирный договор, по которому Новгород уступает земли Швеции вплоть до границы по реке Сестре.

10 ноября 1457 года (с учетом перевода на юлианский календарь) исполнилось бы 500 лет со дня рождения автора этой книги, если бы время шло в обратную сторону. Отнюдь не мания величия заставляет меня включить в хронику мнимую дату, но необходимость заблаговременно предупредить читателя, с чем он непременно столкнется, продолжив чтение, – с резко субъективным, сугубо авторским взглядом на вещи. Эта книга могла бы называться «Петербург в ощущениях», если бы не переизбыток шипящих в заглавии. Ощущения и восприятия, таким образом, относятся к одному конкретному лицу, проживающему в этом городе со дня рождения и имеющему некоторый опыт проживания: вот оно себя и обнаружило в тек-

сте, – тут уже ничего не попишешь. Настоящим также подтверждаю пристрастность, хотя и до определенной степени, к сослагательному наклонению, удивительным совпадениям, мнимым событиям, важным для понимания вещей в той же мере, в какой нельзя представить без мнимой единицы многих математических преобразований, – стало быть, подтверждаю пристрастность к идее невозможности, нелепости этого странного города, – притом хочу сразу признаться: я не являюсь приверженцем альтернативных теорий, убежден, что Земля не плоская и Петра I не подменили. Сей абзац есть первое авторское отступление (выступление). Прошу прощения, и – дальше, дальше: не будем тормозить историю.

1500 года («лета семь тысяч осмаго» – 7008-го – от Сотворения мира) дошла до нас новгородская Писцовая книга Водской пятины. Среди прочих описаны в ней погосты Ореховского уезда, в частности тех земель, на которых появится Петербург.

1617. Столбовский мир, по которому Русское царство уступало Швеции в числе прочих земель – все Приневье, включая место будущего Петербурга. На левом берегу Охты при впадении в Неву возводятся Ниеншанц (первые укрепления относят к 1611 году), на правом берегу Охты образуется портовый город Ниен.

30 мая 1672 года родился Петр I.

А 19 августа 1700 года Петр объявил войну Швеции.

Через пять дней выступил в плохо подготовленный, крайне неудачный поход на Нарву. Теоретически овладение Нарвой могло бы освободить Петра от необходимости строить город в устье Невы. А уж если бы он и Ригу взял с ее незамерзающим портом, тогда, кто знает, может быть, столицей России Рига была бы. Есть и такое мнение, но проверить его, разумеется, невозможно. Обстоятельства, однако, под осажденной Нарвой не благоприятствуют русской армии, и самое тяжелое из них – появление Карла XII.

19 ноября Карл XII легко побеждает под Нарвой.

За два последующих года Петр реформирует армию. Переплавляет колокола на пушки. Создает в 1701-м Лужскую верфь, а в 1702-м еще две верфи – одну в устье Сяси, другую – на Свири. Короче, действует.

12 октября 1702 года штурмом берет Нотебург. Петр не возвращает крепости историческое название Орешек. Теперь она – Шлиссельбург. Ключ-крепость. В самом названии открыто выражается намерение царя, – есть «ключ», значит будет «замок», значит, придется ключом воспользоваться. Вероятно, уже тогда Петр придумал название Шлотбург («замок-крепость») – для Ниеншанца, который он еще не видел воочию и который еще предстояло взять.

1 мая 1703 года взят Ниеншанц.

Не наше дело

Среднестатистический образованный ленинградец мало интересовался допетровской историей земли, на которой расположен его город.

Свидетельствую с полной ответственностью.

В общественном сознании это выглядело примерно так: шла война со шведами, пришел Петр к устью Невы, огляделся, а дальше по Пушкину: «здесь будет город заложен назло надменному соседу».

Именно что соседу. А не прежнему квартирному, продолжающему претендовать (если будем развивать коммунальную метафору) на квадратные метры. Он здесь не прописан!

И чем интересоваться тогда – болотами, что ли?

Название Ниеншанц в обзорных статьях, посвященных возникновению Петербурга, если упоминалось, то вскользь. Ну, где-то была шведская крепость какая-то, Петр взял ее по ходу дела, – в общем, основание Петербурга она не мешала. И не влияла ни на что. Могло и не быть.

С крепостью Орешек связывались более определенные представления. Орешек – Шлиссельбург. У шведов – Нотебург. А когда град Петров носил имя Ленина, Петром нареченный Шлиссельбург обрел имя Петра – Петрокрепость.

Итого: Орешек – Нотебург (а для нас все равно: Орешек!) – Шлиссельбург – Петрокрепость – опять Шлиссельбург.

Тут есть что помнить – все перед глазами. В 1702-м отвоевали у шведов. Наше, родное. Вот тогда была баталия. Первая крупная победа в Северной войне с непосредственным участием Петра (самостоятельные победы генерал-фельдмаршала Шереметева остаются за кадром).

Петербург растет и растет, а до Шлиссельбурга не дотянуться; в стороне от Петербурга лежит Шлиссельбург, никуда не делся – на месте. Можно съездить к истоку Невы, прийти на пристань, на кораблике сплавить в крепость на острове. Вот там, посмотрите, на востоке Ладожское озеро. А где-то там, у стены, повесили Александра Ульянова. А где-то там закопали несчастного Иоанна Антоновича, нашу «Железную Маску». А вот заросшие кустами развалины времен Великой Отечественной... Все здесь. Стены дышат историей, потому что они есть.

А где Ниеншанц? Ниеншанца и след простыл. Нет Ниеншанца.

История – вещь интересная, но интересна также история восприятия истории.

На этот счет – контрольное воспоминание.

В середине девяностых группа петербургских драматургов затеяла серию сборников пьес, кто-то предложил экзотическое название проекту – «Ландскрона». А что это? Да вроде бы такую шведы крепость на берегах Невы построили, за несколько столетий до Петербурга. Сейчас уже не вспомнить, с какой стати петербургские пьесы должны были выходить под маркой Ландскроны, – наверное, просто красиво, да и название «местное», свое, «принципиально не московское», что-то в этом и от «всемирной отзывчивости русской души» было, и вместе с тем от патриотизма, хотя и парадоксального, а главное, звучало загадочно – словно авторы сборника знали что-то, другим неизвестное. На самом деле авторы сборников ничего толком не знали об исторической Ландскроне вообще и вообще первый раз о ней слышали (кроме предложившего; он второй). И читатели не знали. Об этом и свидетельствую с удивлением. Только из-за сборников этих и помню, что означало имя Ландскрона тогда для большинства петербуржцев. А ничего. Сейчас-то Ландскрона у нас на слуху, а когда сборник вышел, все спрашивали: что это? Интернет появлялся только, никаких Википедий под рукой не было. Книгу, допустим, А. Ю. Гиппенга, изданную почти сто лет назад, или работы нашего старшего современника И. П. Шаскольского теоретически можно было заказать в Публичной библиотеке, но

практически туда надо было еще пойти. В общем, звучало свежо и загадочно. И с претензией. Была у нас, оказывается, Ландскрона. На какое-то время Ландскрона в определенных, очень узких кругах стала своеобразным мифом: будто это и есть подлинное, хотя и тайное название города, запутавшегося в именах.

Сейчас нам, и стару и младу, известно: Ландскрона просуществовала менее года, была построена к осени 1300-го и в 1301-м, по весне, разрушена новгородцами.

«Алиса, что такое Ландскрона?»

(Кстати, только что узнал: Ландскрона – сайт болельщиков «Зенита», и это первое, что в данный исторический момент предлагает нам поисковая система «Яндекс».)

На месте Ландскроны спустя три века возник Ниеншанц.

О Ниеншанце представления в недавние времена были еще хуже. И мало кто слышал название города Ниен.

Если б их засекретили, да нет же. Просто сведения эти не входили в так называемый багаж знаний образованного человека. Просвещенному ленинградцу допускалось не знать ничего о Ниеншанце и даже не подозревать о былом существовании города Ниен у истока Охты, в то время как незнание двенадцати подвигов Геракла или, к примеру, фамилий пяти казненных декабристов могло восприниматься как признак невежества.

О да, казненные декабристы! Мне, наверное, было лет десять-одиннадцать, когда я смотрел какую-то молодежную телепередачу для старших («Горизонт»?), и вот там одна авторитетная дама, от имени, что ли, жюри какого-то конкурса, так и сказала: стыдно культурному человеку не помнить фамилий казненных декабристов – их всего пятеро. А я тогда назвать мог двоих, так что ощутил себя культурным человеком на две пятых. Запомнилось.

Никто, однако, не требовал знания чего-либо о Ниеншанце, Ниене и прежде случившейся Ландскроне.

Даже специалисты в своих трудах по истории Северной войны называли город по-разному: Нюен, Ниен, Ниенштадт...

В общем, это была не наша история.

Париж времен Ришелье был, скорее, нашей историей, – или Лондон с его Бейкер-стрит... А если говорить о Швеции, труднейшем сопернике СССР на хоккейном поле, покатые крыши Стокгольма для нас такими же были с детства родными, как и для их обитателя с пропеллером на спине. Нам, признаемся, даже несколько льстила, взрослым уже, беспримерность нашей любви к персонажу Линдгрэн, – ведь нигде больше в мире, включая Швецию, как однажды нам рассказали, этот странный недоумок Карлсон не вызывает таких симпатий.

Но при чем тут какой-то Ниеншанц под боком? Откуда Ниеншанц, когда уже есть Петербург? Что-то неинтересное. Не наше дело.

Наше, наше!

Интерес, который уже было бы справедливо назвать общественным, стал возникать к Ниеншанцу на рубеже тысячелетий. По мере приближения 300-летия Петербурга все больше внимания привлекала фигура основателя города, а среди его деяний, имевших отношение к юбилею, было взятие шведской крепости. В июне 2000-го рядом с Большеохтинским мостом на правом берегу Невы перед заводским корпусом установили памятный знак «Крепость Ниеншанц»; автор идеи – археолог П. Е. Сорокин, руководивший раскопками на Охтинском мысу с начала 1990-х.

«Памятный знак» – официальное обозначение объекта, – на самом деле он тянет на мемориал, и главный элемент всей композиции – шесть старинных шведских пушек, найденных на территории бывшей крепости. Открытие памятника широко освещалось в печати.

Многих тогда изумило: шведская крепость, о которой ходили какие-то невнятные слухи, оказывается, была здесь – на месте корпусов Петрозавода, еще тогда не снесенных.

А много ли мы знали о самом Петрозаводе этом? Основанное Петром предприятие за 280 лет своего существования, с учетом всяких перепрофилирований, меняло название раз двадцать – от Охтенской верфи (через «е») до собственно Петрозавода, причем Петрозаводом в разные годы именовалось как минимум трижды. Под этим названием и закончило печальным банкротством свою долгую историю в первый год нового тысячелетия. Ладно, фрегат «Паллада», прославленный Гончаровым, и подводные лодки, построенные еще до Первой мировой, – это все наши исторические древности, но в советские времена заходили сюда на ремонт подлодки посовременнее, пускай и дизельные, – в годы моей молодости завод этот, как теперь знаю, был из тех, что именовался у нас «почтовым ящиком», – о таких распространяться было не принято. Тут и возникает у меня мысль – «в порядке бреда», потому что мысль не обдуманная, а по ходу создания текста: не потому ли к Ниеншанцу не привлекали у нас внимания, что на месте его действовало секретное предприятие? Что-то в этом, кажется, есть. Или нет? Кстати, в раннебрежневские времена (и, кстати, романовские), пока еще не был построен Малоохтинский мост и не подведена к нему набережная со сквозным движением, предприятие, занимая неблагоустроенный берег Невы, выглядело обособленным не хуже той крепости.

Ну так вот, как раз в одном из корпусов, на складе металлолома (отноюдь не в глубинах земли), археологи из группы Сорокина раскопали те старинные пушки. Вернее, стволы.

Тут уж и совсем смутный слухок забрезжил, будто бы – то ли у дверей профкома, то ли где-то в другом месте – в советские времена, когда завод еще номерным был (№ 370), случилось урной для курильщиков послужить врытому в землю пушечному стволу. Что ж, всяко бывало в нашей богатой истории – было время, например, когда стволы трофейных турецких пушек врывали у подворотен вместо колесоотбойных тумб, защищавших углы и стены (это ж надо было тащить их с Балкан для этого!..). Но чтобы урна... все же верится плохо: как же вытряхивать такую? Никак нельзя.

С другой стороны, это мог быть один из тех стволов, что в прежние времена держали здесь ограду, заключающую достопримечательное дерево. Дело в том, что еще до революции, когда праздновали 200-летие Петербурга, заключили в ограду старый дуб, росший на территории завода Крейтона, как тогда предприятие называлось, и будто бы этот дуб сам Петр посадил в память павших за Ниеншанц, а вместо столбиков послужили ограде врытые в землю пушечные стволы. Должно быть, эти.

А нашли их незадолго до того юбилея, в те дореволюционные годы, на дне Охты. Но как они в воду попали (и когда) – загадка.

Также не совсем понятно, могли ли стрелять из этих стволов по войску Петра.

Дело в том, что экспертные оценки возраста пушек противоречивы. Похоже, один или два ствола в той переделке могли поучаствовать. Но тогда обращение их в сторону Невы особенно выразительно, – ведь именно туда и палили со стен крепости, когда 28 апреля 1703 года, еще до штурма, Петр вместе с преображенцами и семеновцами проплывал на лодках к устью Невы под стенами Ниеншанца, впрочем трудно сказать, насколько рискуя, – тогда обошлось без жертв.

И все же по-настоящему Ниеншанц оказался прославлен – даже среди тех, кто вообще равнодушен к истории, – как ни странно, субъектом, менее всего смотрящим в прошлое и более всего – в будущее, да, конечно, Газпром, нашим газовым гигантом, – причем, похоже, вопреки желанию его собственного руководства.

Дело в том, что в 2006 году эта территория, еще недавно представлявшая собою промзону, перешла в собственность компании. Расчистка промзоны от остатков заводских корпусов была лишь первым этапом грандиозного проекта, – далее Газпром намеревался возвести здесь для своего головного офиса башню высотой 396 метров (а то и 403). Петербуржцам эта идея сразу не понравилась (не всем, но большинству – точно), башню немедленно окрестили «кукурузой», и для газового монополиста еще обиднее – «газоскрёбом», – начались выступления против ее строительства, пошла волна публикаций. По закону Газпром должен был провести раскопки на месте будущего строительства (на тот момент Охтинский мыс был признан археологическим памятником). Вряд ли руководство компании, финансируя это исследовательское предприятие, опасалось результатов, невыгодных для своих строительных планов; в конце концов, допускалась возможность музея при многоэтажном офисе, тем и предполагали ограничиться. Но все серьезнее оказалось. Археологи постарались на славу.

То, что сохранилось под фундаментами заводских корпусов, сам Сорокин назвал «петербургской Тройей».

Во-первых, оказалось, что Ниеншанц не исчез бесследно. Во-вторых, были обнаружены следы поселения, известного как Невское Устье. В-третьих, еще ниже – та самая шведская Ландскрона. В-четвертых, под ней остатки вала и рва древнего городища, историкам неизвестного. В-пятых и в-шестых – а это уже совсем неожиданность, – две стоянки древних людей. Нижний пласт, отделенный от верхнего метровым слоем песка, доказывает, по мнению Сорокина, обитание здесь человека еще до возникновения Невы (Нева – река молодая, об этом поговорим особо).

Начали с петровских времен, а докопались до неолита.

Не всех убеждали итоги раскопок, но, так или иначе, проекту Охта-центра они популярности не прибавили.

Башню, еще выше – 462 метра, построили в конечном итоге не здесь – в Лахте, на берегу Финского залива. К этому выбору общественность больших претензий не имела. А что до прежнего места, как раз в связи с Охтинским мысом общественное наше сознание – уже не в масштабах города, а всей страны (и даже мира – под эгидой ЮНЕСКО) – имело случай соприкоснуться с предметом предыстории Петербурга.

Тема Ниеншанца вошла в моду.

От него теперь не уйти

Итак, Ниеншанц/Ниен (в русских обозначениях петровского времени – Шанц или Канц) – очень короткая справка:

– Первые укрепления – левый берег Охты, 1711. Посад – правобережный. Городской статус – 1732. Торговые привилегии. Контроль пути по Неве. В 1656-м крепость взята штурмом войском П. И. Потемкина, однако по итогам войны (Русско-шведской 1656–1658 гг.) осталась за шведами. Численность населения – 1500–2000 человек. Ратуша, две кирхи, порт. Национальный состав: шведы (большинство), немцы, финны (переселенные из Средней Швеции), русские, преимущественно лютеране (православный храм на левом берегу Невы в селе Спасское). Численность гарнизона крепости весной 1703-го – около 600. Последний комендант – Аполов (русское происхождение, шведская служба): личная отвага, сильные головные боли, преклонный возраст.

Раньше значение Ниеншанца у нас игнорировали, сейчас, похоже, ударяемся в другую крайность.

На эффектных картинах современного художника Ниеншанц выглядит неприступной крепостью с высокими каменными стенами, превышающими, пожалуй, по размерам стены ну как минимум Новгородского кремля, с величественными башнями, воротами, мостом, непременно каменным, основательным, крепким. Между тем, согласно раскопкам, крепость эта была земляной, о чем не устает напоминать взыскующий истины археолог Сорокин.

Примерно о том же, но по другим соображениям, напоминал, вернее, докладывал правительству Швеции авторитетнейший инженер-фортификатор Эрик Дальберг в своем отчете об инспекционной поездке по оборонительным сооружениям на востоке; было это в 1681 году, – общий смысл реляции, если кратко, таков: все (почти все) устарело.

(Посвященная этому документу обзорная статья двух знатоков средневековой фортификации А. Н. Кирпичникова и Е. А. Кальюнди была напечатана в 20-м выпуске «Скандинавского сборника» – Таллин, 1975.)

Дальберг нашел крепости в «плачевном состоянии». Особенно удручило инспектора положение дел на Охте. Крепость, толщина брустверов которой не выдерживала критики, нуждалась в решительном переоборудовании. Правобережные укрепления (на окраинах города) могли только послужить на пользу противнику, сумей он завладеть ими (чему никаких препятствий Дальберг не видел). О реальных размерах Ниена, относительно скромных, можно косвенно судить по рекомендации Дальберга перенести город на другой берег реки – на Охтинский мыс, под защиту более надежных укреплений.

Дальберг лучше многих понимал стратегическое положение Ниеншанца; с годами предчувствие катастрофы у него только усилилось – в 1698 году он аттестовал оборону Ниена как «никчемную».

Ниен так и стоял на своем месте, пока его не сожгли сами шведы. Случилось это после падения Нотебурга во второй половине октября 1702-го. Эвакуированные ниенцы пополнили население Выборга, иные перешли в крепость. Но ее осаду Петр перенес на весну.

(А вот и сенсация – исключительно в тему. Сегодня, 02.08.2019, – по новостным каналам: на Среднеохтинском проспекте при ремонте трамвайных путей обнаружены фундаменты построек Ниена. Работают археологи. Что дальше? Одно можно сказать: возобновление трамвайного движения переносится на более поздний срок.)

Одна деревенька

В институте нас часто отправляли «на картошку» – это когда я учился и когда потом работал на кафедре. Чаще всего в Волховский район. Выезжал туда же в стройотряд два раза. В поселке Колчаново до сих пор стоит кирпичный гараж, который мы строили для механизаторов. А с поселком Хвалово, где мы убирали корнеплоды на полях совхоза «Победа Октября» (веселое было время), у меня вообще связано много воспоминаний.

Но ближе к теме.

А тема этих страниц – предыстория Петербурга.

А к предыстории Петербурга, да и вообще к истории, прямое отношение имеет Столбовский мир 1617 года, по которому Россия потеряла выход к морю.

Так вот, жили мы в бараке рядом с закрытой на лето школой, на другом берегу реки возвышались развалины церкви над кладбищем, внизу была паромная переправа, а вдоль реки по кромке леса тянулась тропинка.

Отчего ж не пройти, если тропинка? Был день выходной, вышел я на нее за поселковой баней и пошел по ней, от нечего делать, по рыбацкой тропинке – куда приведет. Думал, дойду до того места, где к реке приближается шоссе, там и поймаю обратно попутку. Но Сясь, как оказалось, довольно сильно виляет, не в пример прямой дороге на Тихвин, так что идти мне пришлось дольше и дальше, чем думал.

Мне сейчас трудно вспомнить мои ощущения, но надобно сказать, что в местах этих, которые не решусь назвать сказочными, что-то на восприятие реальности определенно влияло – и на восприятие времени особенно. То ли замедлялось оно, то ли что. Справа тихая река, едва ли не до середины заросшая кувшинками, слева смешанный лес, иногда тропинка в него отклоняется, иногда приходится идти через высоченные заросли папоротника. Вроде бы лес как лес, река как река, и все же есть ощущение необычности, так, быть может, бывает, когда в необитаемом пространстве чувствуешь на себе будто бы взгляд. Будто бы произойти что-то должно необыкновенное. Оно и произошло.

Представьте себе урочище: на деревьях иконы висят и домотканые полотенца. Прямо в лесу, рядом с рекой. Под ногами бревнышки – здесь место сырое, болотце рядом. Родник. Да, святой источник, должно быть. Но такого я нигде не встречал, чтобы в лесу иконы на деревьях и полотенца. Это, между прочим, конец семидесятых. 60 лет Октябрю, победой которого назван совхоз. Действующих церквей тут за много километров не было, а в Колчаново на полуразрушенном храме березки росли, и вместо креста была пятиконечная жестяная звезда, сам видел. И вдруг под открытым небом часовенка, вот что это, – без стен. И птицы поют. Словно в сказку попал.

Прошел еще километра четыре, вышел в поле: крохотная деревенька – домов пять, и тянется колея через нее до шоссе. В деревеньке меня первым делом укусила собака, но как-то лениво, цап – и в сторону, даже не прокусила сапог. Из людей только одного видел, вышел к забору на меня посмотреть. Я спросил о том месте. Он отвечал нехотя, потом, правда, разговорился. Будто бы там раньше церковь стояла и, говорят, ушла целиком однажды под землю. А источник целебный. К нему, сказал, «ходят». Будто бы со времен Ивана Грозного завелось. Может, раньше. «И даже из Мурманска приезжают».

Я спросил, как эта деревня называется.

Столбово.

Ну, Столбово и Столбово. Стоят столбы деревянные, провода натянуты – свет есть.

Поле, овражек, лопухи, крапива. В километре отсюда видно шоссе – рейсовый автобус проедет, МАЗы бетон везут из Тихвина.

Позже я часто думал об этом Столбове, вспоминая детали своего похода. Это же, оказалось, то самое Столбово, где был подписан знаменитый Столбовский мир, предопределивший судьбу России.

С ним, с этим «вечным» миром, связаны обстоятельства Северной войны, а следовательно, и образования Петербурга. А еще раньше – Ниеншанца и под его стенами города Ниена. Ничего бы не было этого, если бы не то, что произошло в Столбове.

Почему же здесь?

Потому что на равном расстоянии от Ладоги и Тихвина.

Ладога (которая еще не стала Старой Ладогой, а была за отсутствием Новой Ладоги просто Ладогой) оставалась покамест за шведами, – они взяли ее в числе других русских городов, хотя приглашали их вроде бы для борьбы с поляками. Но что тут поделаешь, если логика русской Смуты предлагает большие возможности? Иное дело Тихвин. Весной 1713-го шведов из него прогнали, дальнейшие попытки осады Тихвинского Успенского монастыря не принесли шведам удачи. Воевода Данило Мезецкой, главный переговорщик с русской стороны, взял в Столбове список иконы Тихвинской Божией Матери, не допустившей, по вере православных, захвата в тот раз монастыря. Интересно, знал ли он о святом источнике недалеко от Столбова на берегу Сяси?

А шведов представлял на переговорах Якоб Делагарди, чье наемное войско успело повоевать с поляками на стороне русских, а потом и против бывших союзников. Теперь он представлял интересы шведской короны, распространившиеся далеко за недавние пределы Швеции.

Переговоры в то время предприятием долгим были, церемониальным и – многолюдным. Условились, что вместе с послами в Столбове будет с каждой стороны «по полтараста человек конных, да по двесте человек пеших с посольскими и дворянскими людьми». Целый городок образовался в окрестностях Столбова, хором понастроили, изб, конюшен. Дров нарубили – зима! На непосредственные переговоры ушло более двух месяцев.

Спасибо английскому королю Якову I, грезившему о речных путях в Китай, и торговой «Московской компании», заметно влиявшей на внешнюю политику Англии, ну и конкурентам английских купцов – купцам голландским, тоже рассчитывающим на торговые преференции. Англии и Голландии Русско-шведская война была как кость в горле. Без их обоюдоревностного посредничества могли бы и не договориться. Но «благодражайший и грозный господин Иоанн Мерик, рыцарь», одним словом – английский посол, проявил чудеса дипломатического хитроумия и выдержки. 27 февраля 1717 года здесь, в Столбове, у него «на английской квартире», стороны подписали мир.

Швеция возвращала Старую Руссу, Ладогу, Гдов и главное – Великий Новгород (он тоже был под шведами; и в тексте договора – да, именуемый Великим). Россия платила контрибуцию – «двадцать тысяч рублей денег готовыми, добрыми, ходячими, безобмаными серебряными Новгородскими» и оставляла за Швецией земли, прилегающие к Балтийскому морю, большую часть которых скоро назовут Ингерманландией. И Корела (Кексгольм), и Орешек (Нотебург), и вся Нева с новыми укреплениями ближе к дельте, на основе которых образуется Ниеншанц, и в четырех верстах от него вниз по течению малоприметный необитаемый островок, на котором Петр возведет Петербургскую крепость, – все теперь «на вечные времена» – то есть до Петра – шведское.

Выход к морю – потеря горькая, но горечь потери пришла с годами. А тогда были рады все стороны. И шведский король Густав Адольф, заявивший в риксдаге: «Ни одна их лодка без нашего позволения не появится на волнах Балтийского моря». И царь Михаил Федорович, повелевший на радостях звонить в колокола и стрелять из пушек. И английский посол Джон Мерик, оделенный за труды щедрыми царскими дарами. А всех веселее могло быть его толмачу, на которого он еще недавно жаловался Делагарди: «находясь обыкновенно в нетрезвом виде, [дескать] не умеет скрыть тайн ему вверенных». Какие тайны?.. Праздник же, праздник!

В мою первую книгу вошел рассказ об этих местах. Придумал я персонажа, молодого человека по фамилии Микитин, и подарил ему некоторые свои наблюдения. Персонаж мой – скользкий тип, с задатками карьериста, – будучи комиссаром стройотряда, он сочинял липовые отчеты о шефской работе в духе времени, которому принадлежал, а время действия обозначено точно – 1977 год. Там по сюжету ставил ему печати на фиктивные справки старенький директор поселковой школы, учитель истории, хранитель круглой печати; ставил – по принципу «ты мне, я тебе» (ранее комиссар Микитин оформил ему стенд с членами политбюро). Таков сюжетный план рассказа – без метафизики... Короче, все справки скрепя сердце удостоверил директор, а на справке о памятнике сорвался. Будто бы Микитина стройотряд в свободное от работы время воздвиг обелиск на месте подписания Столбовского мира – в честь 360-летия события. («Ну так вот, – продолжал Микитин, – мы посетили историческое место близ деревни Столбово и решили увековечить событие небольшим памятником». – «Не верю!» – вдруг встрепенулся Илья Фомич. «А зря. Точнее сказать, обелиском». – «Не верю, не верю! Обман!» – «Это как вам угодно. Высота обелиска два с половиной метра». – «Врете! Где он стоит?» – «Обелиск? А где Сясь поворачивает, в лесу». – «Врешь, врешь, ты все врешь! Ты... не верю! Ты врун беспринципный!»)

Меня тогда занимала тема спекуляций, и в частности – тема истории как легкой добычи для всевозможных спекуляций.

И тема увядания памяти. Исторической, если так.

В учебнике «История СССР» за седьмой класс, по которому мы проходили XVII век, Столбовский мир даже не был упомянут (да и Ниеншанц тоже). Не удивился, когда одна моя ровесница, прочитав рассказ, меня спросила, сам ли я придумал этот мир Столбовский, или что-то было такое. Нет, не сам. Что-то было такое.

Еще меня томили невостребованные, невыраженные образы этих мест, связанные с той случайной прогулкой, – этих полей, этой унылой колеи, крохотной, дышащей на ладан деревеньки, «неперспективной» по тогдашней терминологии, – с ее заброшенностью, обреченностью.

Вон как. Недалеко от Столбова, смотрю в интернете, – ближе к реке, за оврагом, теперь коттеджи стоят.

В конце XX века и в начале XXI проживал в Столбове один человек.

А памятник действительно появился. Высокий поклонный крест установили в поле. Вроде бы в 2006-м. Кто – не знаю.

Началось...

Тайна рождения

Вот исторический объект – Северная война как она есть. А вот географический объект – река Нева. Согласен, что коряво, но зато истинно: это родители Санкт-Петербурга.

Чтобы поэтичнее получилось, обратимся в духе петровского времени к аллегориям. Как и любой другой войны, аллегория Северной, конечно, Марс (на Шпалерной улице, для наглядности, образец – рядом с колоннадой казарм Кавалергардского полка, – ну тот, что глядит на Ахматову, которая со своего пьедестала глядит на тюремные корпуса «Крестов»... стоп... в нашей книге главное – не отвлекаться...). Аллегория Невы тоже представлена, – статуя женщины у южной Роstralной колонны, по распространенному убеждению, она и есть.

Теперь, когда антропоморфные образы обозначены зримо, с учетом того, что они аллегории, повторим твердо, прямо, уверенно:

– Великая Северная война и река Нева – вот родители Санкт-Петербурга!

Остров зайцев

Когда я ходил еще в школу, помню, пользовалась невероятной популярностью юмористическая телепередача «Кабачок „13 стульев“». Из года в год за столиками этого заведения разыгрывались похожие друг на друга жанровые сценки; завсегдатаи кабачка были все с причудами, которым они на протяжении лет не изменяли; один из них, пан Зюзя, отличался пунктиком на зайцах, – он аттестовал себя как зайцелюба, писал роман о зайцах и все разговоры так или иначе сводил к зайцам. Сначала это было смешно, потом стало надоедать, как и вся передача. Однажды она прекратилась. Но я вспоминаю о ней каждый раз, когда прохожу по деревянному Иоанновскому мосту, ведущему к воротам Петропавловской крепости, и вижу слева от себя на торчащем из воды свайном ледорезе декоративную скульптуру зайца. Он уже стал своего рода символом крепости, и торговля его миниатюрными двойниками бойко идет в сувенирной лавке. Не так давно он был на всю округу единственный, сейчас Петропавловская крепость заселена зайцами. Можно ли было предположить, что лет через тридцать после закрытия той передачи (и через триста лет после основания Санкт-Петербурга) появятся в городе на Неве свои зайцелюбы среди историков, краеведов и журналистов. Один из них, довольно успешный в продвижении своих проектов, с удивительным упорством – на протяжении лет – будет призывать украсить остров, на котором стоит Петропавловская крепость, бронзовыми зайцами (как минимум дюжиной); остров, конечно, называется Заячьим, но зайцелюбская концепция приумножения заячьих скульптур на нем сложнее простой иллюстрации топонима, – стал бы я сейчас ее пересказывать, во-первых, запутался бы, а во-вторых, непременно бы сам уподобился пану Зюзе.

Не знаю, долго ли продлится мода на зайцев. Особого внимания крепостные зайцы не стоят, но одного из этих, надо полагать, все-таки временных объектов, не могу не отметить. Это вполне человекоподобный заяц, который в данный момент, закинув ногу на ногу, сидит на деревянной скамейке перед входом в Музей Старого Петербурга (Инженерный дом – таково историческое название здания). Судя по всему, заяц самодовольно подражает Остапу Бендеру. Демонстрируя правой рукой вполне по-человечески «викторию» (заячьи уши?), он глядит на памятник Петру Первому, известное творение Михаила Шемякина. Это важно. Оттого что перед зайцем стенд с музейной афишей, целиком, однако, не закрывающий вид, кажется тем более, что ушастый подглядывает. Шемякинский Петр чувствует что-то – Петра корежит. Памятники не переносят, когда на них глядят другие памятники, и хотя заяц на скамейке никакой не памятник, объект он все-таки антропоморфный. Своим присутствием он переформатирует контекст, в котором мы привыкли воспринимать бронзового Петра. Он напрочь лишает самоуверенности шемякинского Петра – монумент, излучающий в обычных условиях мрачную иронию и сарказм, чьи пропорции частей тела карикатурно искажены при физиологической достоверности формы лица, повторяющей знаменитую прижизненную маску. Но самоуверенность гротескного Петра потому так сильно и впечатляет, потому так и эпатирует неподготовленного зрителя, что все окружающее пространство просто дышит строгостью, правильностью и целесообразностью. Строгое, правильное, целесообразное пространство не предполагает ничего более абсурдного и неуместного, чем этот лысый Петр без парика. И вдруг – заяц. Петр не видит зайца, он смотрит на Великокняжескую усыпальницу. А заяц нагло глядит на Петра, с его маленькой головой и неимоверно длинными скрюченными пальцами. И Петра определенно корежит. Он растерян, он не понимает, что происходит. Хуже того, Петр своим присутствием, по-своему пафосным – в той степени, в какой способен на пафос постмодернизм, – нечаянно сообщает нахальному зайцу особую убедительность. Я бы сказал, этот заяц обладает паразитарной убедительностью: он убедителен за счет Петра. Петр хоть и сидит в кресле, но заяц, говоря фигурально, ставит его на место. Или «сажает» – что то же.

Удивительный ансамбль, не так ли? Ситуация, конечно, недолговременна – век зайца, подозреваю, недолог. Тем более чувствую себя обязанным зафиксировать факт ситуативного взаимодействия объектов, представляющий теоретический интерес для исследователей психологии памятников.

Надо признать, эти зайцы вписываются в пространство крепости с удивительной неприужденностью и непосредственностью. Один сидит (или стоит?) – ростом по плечо взрослому человеку – напротив торца артиллерийского цейхгауза ближе к Петровским воротам: будучи любителем фотографироваться (небескорыстным!), он имеет на лбу, ближе к переносице, характерную щель – это заяц-копилка!

По логике вещей его место в западной части крепости, перед Монетным двором, где как раз и производят металлические денежные знаки, гуртами которых истыканы до блеска края упомянутой щели, – но ведь там мало туристов.

Два слова о главном зайце – о том первом, – родоначальнике или предвестнике всех этих крепостных зайцев и зайчиков. Сидящий на свае, новоявленный символ крепости уже проник в многочисленные буклеты и справочники – и почитаем почти как памятник. Нет, не бронзовый. Силумин его плоть, коррозиестойкий сплав на основе алюминия. В родственниках у этого зайца наши сковороды, мясорубки и автомобильные поршни.

Туристам нравится: бросают монетки. Счастлив тот, чья монетка останется на торце сваи и не отскочит в воду.

Официально объект называется «Зайчик, спасшийся от наводнения».

Маловероятно, что на острове, ежегодно затопляемом невской водой, могли водиться зайцы. Зимой могли приходить по льду. Туда-сюда. Кора на деревьях... Осенью, да и весной тоже, никакой бы дед Мазай им тут не помог. Не было тут Дедов Мазаев.

Туда-сюда. Того не более.

И тем не менее – Заячий.

На кураже

Заячий – вроде как буквальный перевод с финского Яниссаари. Хотя и не все с этим согласны.

Шведы называли остров Веселым – Люст-хольм. Почему – неизвестно. Будто бы на нем устраивали пикники, но это самое простое объяснение. Опыт прежнего поселения на небольшом острове (пожалуй, единственный) для четырех (типа того) пионеров оказался фатальным – не перенесли зиму, хотя и это из области легенд, объясняющих в данном случае другое название: Тойфель-хольм – Чертов остров.

Однако – Веселый.

Весной 1703-го название Веселый как нельзя лучше отвечало настроению Петра.

Кажется, все его достижения тех дней случились на кураже – и взятие Ниеншанца едва ли не с ходу, и дерзкий абордаж двух шведских кораблей с лодок на веслах. На кураже – не сказать навеселе. Той весной пир следует за пиром.

«Был благодарный молебен и веселились по 3 дни» – это по овладении Ниеншанцем. Трехдневное веселье не мешало исследовательским прогулкам по Неве и ее протокам, – наверняка в одну из этих увеселительных экспедиций Петр и посетил Веселый остров – Люст-хольм. И был им пленен. Красота красотой, но и стратегическое значение не вызывало сомнений. Без всяких зайцев.

Возможность наводнений Петра, в отличие от здешних зайцев, волновала меньше всего.

Полагаю, весть о шведской эскадре, приблизившейся к устью Невы, не сильно омрачила веселье.

Скорее только усилила радость победителей: стало ясно, насколько своевременно взяли Ниеншанц. С шведских кораблей, бросивших якорь в Невской губе, конечно, была бы слышна ночная пальба, приплыви они двумя сутками раньше, и тогда бы «свейская» флотилия поступила бы, надо полагать, по обстоятельствам (хотя трудно представить как; похоже, у вице-адмирала Нумерса были проблемы как минимум с лоцманом). Как бы то ни было, шведам следовало бы поспешить с подмогой своему гарнизону, чтобы опередить появление у стен крепости русского войска; но ведь и Петр поторопился с походом – тронулись из Шлиссельбурга вслед за ладожским льдом.

Можно представить настроение Петра, только что переименовавшего Ниеншанц в Шлотбург («замок-крепость»). Из пушек и ружей палят втроекратно, комендант крепости преподносит фельдмаршалу Шереметеву ключи на тарелке, гарнизон покидает свою цитадель в соответствии с правилами почетной капитуляции: барабанная дробь, знамена, пули, должно быть, во рту (признак доблести, незамазанной чести – так, по крайней мере, было в Шлиссельбурге, так будет в Копорье) – все «по аккорду». А вот приплыли бы на взморье шведские корабли чуть раньше и услышали бы этот праздничный салют, ведь догадались бы, что неладное что-то случилось, но фортуна от шведов и здесь отвернулась – опоздали и были введены в заблуждение.

Петр не только перехитрил противника – он опередил его на несколько шагов. Дальнейшая хитрость уже походила на розыгрыш. Когда шведские корабли известили о своем появлении двумя пушечными выстрелами, со стен вновь нареченной крепости тоже нашли полезным два раза бабахнуть. Мол, здравствуйте, все хорошо. Сами ли догадались, или было кому подсказать, кто ж знает, но и потом – в режиме подачи успокоительного – двукратные залпы давали два раза на дню, утром и вечером. И это сработало.

Нет, Петру определенно в эти дни было весело.

А потом был бой на воде, почти морской, хотя и в устье реки, – вторая за эти дни победа над шведами. Два морских корабля, посланные на разведку, попали в засаду. А не надо им

было бросать на ночь якорь в незнакомом месте. Неотвратимое настигло в виде двух партий по пятнадцать весельных лодок – одними командовал Меншиков, другими – «капитан бомбардирский», сам Петр. Атака началась по сигнальному выстрелу, примерно в полночь, когда со стороны залива появилась темная туча. Бой получился жестоким, быстрым, да еще и со зрителями. Последние могли наблюдать представление со своих кораблей, пятые сутки бессмысленно стоявших на рейде: какие-то лодки плывут, по ним пушки палят, абордаж, раз-два – и два корабля, восемнадцать в общей сложности пушек, безвозвратно потеряны: их угонят вверх по Неве – по направлению сильного ветра. Да еще непогода: дождь, сильный западный ветер, обращающий волны в обратную сторону (тот, кто жил в Петербурге до возведения дамбы, поймет); этот ветер просто стал вдувать корабли в Неву, когда подняли якоря. Ну и как после этого не полюбить Петру здешний климат, здешнюю непогоду?

Под Нарвой в 1700-м сильный западный ветер помогал шведам – русским бил снег в лицо, когда они шагах в тридцати только и заметили наступающих. Паника, бегство – но всего этого Петр не застал, он был на пути в Новгород...

(Автор увлекся. Был ли сильный ветер в ту ночь в устье Невы, есть большие сомнения, – да и дул он, кажется, в обратную сторону. Ночью ли это случилось? Похоже, мои сведения устарели. Согласно шведским источникам, не было никакой непогоды. Ну и как нам быть? Обреченность на мифотворчество удручает, но что же делать с фатальной нечеткостью, неопределенностью, размытостью границ мифа? Ничего не буду исправлять. Сие, в скобках, поздняя вставка.)

...А вот вице-адмирал Нумерс имел возможность видеть здешний спектакль в подзорную трубу; жуткое зрелище должно было напомнить ему, наверное, о внезапных нападениях диких племен на цивилизованных европейцев в других частях света. В эти минуты тучи над вице-адмиралом сгустились и в прямом, и в переносном смысле, а сильный дождь ему был холодным душем (хотя тогда душа еще не знали). В конечном итоге эскадра, потерявшая два корабля, отошла в море.

Потери были с обеих сторон; у шведов – значительные. Оба капитана погибли. В плен попали не многие. Штурман с «Астрильды», голландец по происхождению, залечив раны, внял призывам Петра и перешел на русскую службу. Позже Петр поручит ему составить карту Каспийского моря, которая в свой час изумит парижских академиков: они представляли Каспий другим. Этим географическим достижением Петр подтвердит свое избрание иностранным членом Парижской академии наук. А вот интересно, Carl von Werden, Карл Петрович Верден, если просто по-русски, когда он проплывал заболоченные острова дельты Волги, вспоминал ли дельту Невы с ее протоками и островами, где над низкими берегами, подобно неведомой богине, царит сама Непредсказуемость?

Спустя три столетия 18 мая, день победы в устье Невы (уже по новому стилю), объявили флотским праздником – днем рождения Балтийского флота. Счел бы сам Петр день 7 мая (по старому) таковым праздником – это вопрос, но той победой он, безусловно, гордился. Можно с уверенностью утверждать: в день захвата двух шведских кораблей он был не просто весел, но счастлив. Нападать с лодок на корабли, оснащенные пушками, – это, с иной точки зрения, авантюра, но все получилось, и он проявил отвагу, он лично был в деле. Известно: на вражеский борт он поторопился взобраться в числе первых – с гранатой в руке; как ею распорядился, сведений нет, но у нас достаточно воображения представить выпученные глаза и дикий рык, прорезающий общий шум боя.

Кавалеры

Это действительно была *личная* победа Петра, для него персонально она означала многое.

Поражение под Нарвой в ноябре 1700-го, по сути, оказалось разгромом. Приятного, разумеется, для русского царя в том было мало, это понятно. Но в глазах Европы Петр, кроме всего, очутился в двусмысленной ситуации. В глазах Европы триумф юного Карла XII показался особенно ярким на фоне не вполне очевидных действий Петра. Так получилось, что царь покинул армию за день до того, как шведское войско, стремительно подошедшее к осажденной крепости, практически с ходу атаковало позиции русских. Отбывая в Новгород, Петр забрал не только своего фаворита Меншикова, но и Головина, фельдмаршала. Отечественные историки отъезд Петра из лагеря накануне сражения объясняют сочувственно, с пониманием (недостаточно сведений о намерениях противника, срочность надлежащих предприятий, расчет на ускорение ожидаемых подкреплений...), все так, но вот беда какая. Карл, потеряв лошадь и высокий сапог (где-то в болоте), так с одним сапогом и водил в атаку солдат, а «в честь» Петра выпустили в скором времени медаль не то в Ганновере, не то еще где-то (из разряда сатирических, неофициальных): некий человек, теряя царскую шапку и сломанный меч, бежит с поля боя (иные тоже спасаются), а он еще платком глаза вытирает. Чтобы ни у кого не возникало сомнений, как зовут беглеца, надпись FUGIENS PLORANT AMARE («Убегая, горько плакал») отсылает к соответствующему стиху Евангелия от Луки, – только апостол Петр, в известный час уцелевший ценой предательства (и тут еще та язва), не убегал, однако, а уходил. «Et egressus foras Petrus flevit amare». «И изшед вон, плакася горько». Без бегства.

Поражения бывают у всех. Карла XII ждет Полтава. Один Суворов не будет проигрывать. Дело в другом.

Осадок остался, сказали б сегодня.

Но все – теперь никакого осадка.

И это личный праздник Петра – 10 мая он стал кавалером ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, шестым по счету.

Не за взятие двух крепостей, а «за взятие неприятельских двух кораблей», и не как «Государь», а просто как «Капитан Бомбардирский» – «за тот над неприятелем одержанный авантаж», в котором участвовал сам, рискуя жизнью, как все.

Полагаю, в походной церкви было все чинно тогда и строго, все по закону, хотя и неписаному (официальный устав ордена появится не скоро еще).

Вот:

«После отдания благодарения Богу».

Это да. Здесь вам не Всешутейший всепьянейший и сумасброднейший собор с его глумленьями над церковной обрядностью. Тут все по чести.

«Тот орден положил на Него Г. Капитана, Великий Адмирал и Канцлер Граф Головин, яко первый того ордена кавалер».

Всяк пишущий об этом событии не удерживается, чтобы не упомянуть (да вот и мы тоже!) по счету второго кавалера ордена Андрея Первозванного – Мазепу. До его измены еще пять лет, через шесть предадут анафеме, а пока о здравии раба Божия Ивана, как и других православных кавалеров, будут читать в походной церкви молебен.

А это седьмой:

«За ту же службу таковым же образом и Генерал Губернатор Александр Данилович Меншиков учинен кавалером реченного ордена».

Все это, впрочем, не отменяет «веселия».

Даже напротив – предполагает.

Был или не был?

Я знал с детства, что непосредственная закладка крепости, давшей название городу и позже названной Петропавловской, произошла в отсутствие Петра I. Будто бы неотложные дела заставили его, завоевателя Ниеншанца, отбыть в иные края. Да, вот читаю в книге, изданной в год моего рождения: «Вопреки распространенной версии закладка крепости производилась не Петром (он в этот день был в районе Лодейного Поля, названного так в связи с постройкой корабельной верфи), а его „другом сердешным“ А. Д. Меншиковым».

Меншиковым так Меншиковым. Главное, крепость была заложена, а стало быть, и город с ней вместе, а то, что Петр отсутствовал на столь важном мероприятии, – это ничего, это он по уважительной причине – красоте истории его отсутствие ничуть не вредит.

Можно даже было ощутить что-то парадоксально выразительное в том, что «град Петра» в организационном плане заложили без физического участия самого Петра, – то ли город сам заложился, то ли в этот день в этом деле Петр все же участвовал, но – если угодно – ментально.

Однако если без намеков на мистику (предыдущий абзац) – выразительность-то в другом. В том, что знание якобы настоящего порядка вещей (не было Петра на закладке), лишая «распространенную версию» (был) изюминки (вот вам: ведь не был), в очередной раз демонстрирует всю ущербность обыденного сознания (которому хочется, чтобы был, был непременно).

По существу, есть ли действительно разница – был Петр тогда на Заячьем острове, не было ли тогда Петра?

Чем-то отдаленно напоминает ситуацию с Шекспиром. Он или другой (или другие) – так ли важно, кто написал пьесы Шекспира? – они все равно есть – бери и читай.

Хотя сравнение с Шекспиром, признаюсь, притянута за уши. Приверженцы альтернативной концепции вообще не признают за драматурга исторического Шекспира, тогда как историческое значение Петра – и в основании Петербурга, в частности, – кажется, никто не отрицает. Хотя нет, почему же? Авторы «новой хронологии» сразу приходят на ум. Петр у них действительно самозванец (подменили в Европе), а Шекспир, если заговорили о нем, он хоть и Шекспир, но писал о современниках – о короле Лире, например, который не кто иной, как Иван Грозный и Василий Блаженный в одном лице.

Но мы все-таки о традиционных историках. Главный их довод за то, что тогда не было Петра на закладке крепости, – в анонимных дневниках «Юрнал 1703 года», где сказано, что 11 мая «капитан пошел в Шлютенбурх сухим путем», то есть покинул Шлотбург (экс-Ниеншанц).

Итак.

По господствующему убеждению – Петра 16 мая на Заячьем острове не было.

Господствующее убеждение поколебал А. М. Шарымов – в книге исследований «Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год», вышедшей, увы, только после смерти автора.

Один из разделов книги Шарымова так и называется: «Был ли Петр I основателем Санкт-Петербурга». Сей лапидарный и провокативный вопрос в развернутом виде исследователь формулирует, хотя и утяжелив в ущерб изящности жирным курсивом и с обилием скобок, но зато с беспощадной юридической точностью, отрицающей любую двусмысленность: «**Был ли Петр I** (а он, как следует из показания „Юрнала“, **11 мая** уехал из дельты Невы к ее устью) **основателем Санкт-Петербурга** (который заложен был **16 мая**, то есть, получается, что – в отсутствие уехавшего царя?)?»

Не буду пересказывать многостраничное, на редкость дотошное расследование Шарымова, оно в самом деле похоже на детективное. Определены приоритетные версии, привлечены всевозможные свидетельства (отнюдь не очевидные), изучены мотивы поступков фигурантов дела, рассмотрено алиби. Под «алиби», прочитав Шарымова, я понимаю пребывание Петра в день 16 июня 1703 года будто бы за много верст от Заячьего острова, на котором в тот день

отмечался праздник Пятидесятницы закладкой крепости. Так и хочется переформулировать еще раз главный вопрос: «Виновен ли Петр I в основании Петербурга посредством закладки Петропавловской крепости, или его алиби следует считать состоятельным?»

Так вот, изучив с дотошной обстоятельностью этот непростой вопрос, Шарымов оставляет нас один на один с материалом, внушающим ну очень большие сомнения в алиби подсудимого; и будь я один из присяжных заседателей, я бы (как, наверное, и другие) сказал:

– Виновен!

Обыденное сознание в этом конкретном случае (был) оказывается убедительнее мнения прежних знатоков (не был), а сам миф похож на правду куда больше, чем представления о правде его ниспровергателей.

О птицах

Когда мои родители ушли на пенсию, они покинули Ленинград (вот еще тема – «покинуть Ленинград», «уехать из этого города») и поселились в деревне на Псковщине. В огороде за сараем росла липа. Как-то раз, выйдя из дому, отец увидел на липе ворона, которого атаковал ястреб. Отец попытался отогнать ястреба криком – не получилось, тогда отец схватил палку, которой подпирали дверь на крыльце, и стал ею как бы целиться, словно это было ружье, – подействовало; ястреб немедленно улетел. Спасенный же ворон еще долго не осмеливался взлететь, и это позволяло отцу с ним «разговаривать». Через год отец восхищенно рассказывал о возвращении ворона: он прилетал снова, чтобы с того же самого места поблагодарить своего спасителя. И через год ворон снова навестил отца. И на третий год – тоже. Потом перестал прилетать, и отец, помню, сказал: «Наверное, что-нибудь с ним случилось». Мама утверждает, что ворон прилетал и потом, последний раз – после смерти отца, но если даже так, она не может знать, было ли это последний раз, потому что после смерти отца мама снова живет в городе, с нами.

Мне бы эта история показалась чересчур литературной, если бы я не знал, что все так и было на самом деле – по крайней мере, в части спасения и возвращений ворона. Мифотворчество начинается с оценки числа этих возвращений. По-моему, это длилось три года, мама утверждает – гораздо больше.

Но так ли я сильно уверен во всем остальном? Я рассказываю эту историю через двадцать лет после события, которого сам не видел, но о котором слышал многократно, – нападения на ворона ястреба. Я сказал «помню» о словах отца, но настолько ли я хорошо их помню, чтобы не заключать в кавычки? И потом – ворон; для меня нет сомнений в том, что был то именно ворон, и все же... почему ворон – один?.. и вообще – как это могло быть?

Только что спросил дочь, помнит ли она историю с вороном (текст в этом месте уподобляется протоколу – дом на Карповке, кухня бывшей коммунальной квартиры; дочь моя кормит с ложечки моего внука). Да, кажется, помнит. Ей кажется, дед говорил (мой отец), что ворон сел на березу – ту, что растет у крыльца.

Точно! Растет у крыльца! Там толстый сук резко подает в сторону, на нем веревочные качели (мой отец повесил для внуков). Вот на него и сел ворон, спасаясь от ястреба, я так и вижу картинку. Сел на сук, ближе к стволу, а рядом барражирует ястреб. Ну, конечно, не на липу за сараем, а на березу у крыльца – ближе к человеку.

Тут и вышел отец на крыльцо.

А вот это уже интересно. Что мне дочь говорит. Есть документ. Событие-то, оказывается, зафиксировано письменно. Когда мои дети отдыхали в деревне (младшему четыре, старшей шесть), дед, преследуя общеобразовательные цели, завел тетрадь для внуков – что-то среднее между самодельным букварем и дневником с картинками. Дочь вспоминает, что дедушка Толя нарисовал то дерево с вороном и ястреба, от которого он однажды ворона спас. И сделал запись для детей – большими буквами: как это было.

Я помню тетрадь. Она наверняка сохранилась. Наверняка лежит в бумагах (у меня много неразобранных бумаг), но сейчас мне ее не найти.

Сказал маме о березе. Думал, что засомневается. А вот и нет. Она тверда: липа за сараем, она хорошо помнит. Маме 87, и это было у нее на глазах. Вот как? Была, значит, свидетелем? Я не знал. Мне казалось, она знает это со слов деда. Нет, вышла вместе с дедом из дому тогда. А ворон сидел на вершине липы.

Зачем я все это говорю?

Мне кажется, наша семейная история с вороном имеет отношение к основанию Петербурга.

Точнее – к вопросу о достоверности эпизода с орлом, явленным Петру I и его сподвижникам на Заячьем острове 16 мая 1703 года.

Иными словами – к предвещанию великого будущего Санкт-Петербурга.

Будто бы дело обстояло так. Петр I, посетив Заячий остров и пожелав построить здесь крепость, обозначил штыком на земле место будущих ворот. Он велел срубить две длинные, но тонкие березы, переплести их вершины и вкопать дугой оба ствола в землю. Когда березовая арка была установлена, с неба спустился орел и сел на нее. Такое вот чудо.

Эта история, обозначаемая в гайсбуках как предание, восходит между тем к письменному источнику – анонимной рукописи XVIII века, хранящейся в РНБ. Сколь бы ни казался фантастическим эпизод с орлом, сама рукопись претендует на свидетельство истинных событий, связанных с основанием города, и действительно, при всех неточностях и злоупотреблениях красотами стиля некоторые сведения, там приводимые, кажется, не вызывают сомнений (дата построения Домика Петра I, например). Но в целом текст этот имеет репутацию сказки.

Отчасти она (репутация сказки) пошатнулась с выходом книги А. М. Шарымова «Предыстория Санкт-Петербурга».

Да, все, что я узнал тогда об этой рукописи, – из его книги. Кажется, он первый и единственный (а может быть, и последний), кто отнесся с доверием к этому тексту в целом. В книге Шарымова – публикация текста этой рукописи в «извлечениях» – исследователь не только основательно изучил текст, но и попытался освободить его от художественных излишеств, по-видимому, позднего интерпретатора, чтобы пробиться к исходному рассказу гипотетического свидетеля событий. Под таковым исследователь понимает некоего ефрейтора Одинцова, третьего (вслед за Петром и Меншиковым) и последнего прямо поименованного в рукописи участника закладки крепости. Его участие заключалось в том, что он будто бы снял того орла с березовых ворот и передал Петру (Петр же – деталь! – перевязал орлу ноги платком и, предварительно – другая подробность! – надев перчатку, «изволил посадить у себя на руку» смиренную птицу и «повелел петь литию»).

В этой истории, кажущейся (практически всем) фантастической, Шарымов как раз обратил внимание на детализацию, на подробности. Деталь – маркер достоверности. Деталь – то, что заставляет поверить.

И вот самое главное – орел был ручным! Его приучили шведы еще.

«Выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса и караульными салдаты тех лесов оной орел приучен был к рукам».

Но ведь это многое объясняет. Событие сразу же перестает казаться сверхъестественным.

Орел перестает быть мнимостью, обретает не только плоть, но и «биографию» и даже судьбу, и сообщаемое далее об орле выглядит вполне реалистичным. Мы узнаём из рукописи, что орел проживет еще не менее четырех лет, будет зимовать «во дворце», то есть непосредственно в Домике Петра I, и наконец переселится на остров Котлин, где «от Его Царского Величества» ему будет присвоено в крепости «комендантское звание». Последнее вполне в стиле Петра, но, впрочем, дело не в царском капризе: «ради того, конечно, – объясняет Шарымов сие диковинное назначение, – чтобы обеспечить птицу достаточным прокормом».

Нет, такие подробности действительно убеждают. Охотно верю, что был орел. И что сел он на те березовые ворота. Возможно, ефрейтор Одинцов сделал ему, парящему в небе, знак рукой, как-нибудь приманил. Может быть, зайца живого орлу показали (что-то мы давно не вспоминали зайцев): лети, дескать, к нам, орел, будь с нами. А что в том зазорного, если его приманили? Если не сам? Сам – не сам, большая ли разница? – как ни взгляните, но это страшно эффектно: «орел опустясь от высоты» садится на только что установленные ворота.

Всеобщий восторг!

И кто скажет, что это не предзнаменование?

Даже если этого орла видели каждый день парящим в небе; даже если он был здешней достопримечательностью.

И не так важно, где он жил – в лесу ли на Заячьем острове (как говорится в рукописи) или в самом гарнизоне. Больше скажу: не так важно, была ли вообще эта птица орлом; могла быть и ястребом, и вороном. Главное, птица с неба спустилась – в нужное место, в нужное время, и чем это не событие, достойное памяти?

Может быть, этим в день 16 мая закладка крепости и ограничилась, – описание торжеств, будто бы вспомненных через годы, вызывает куда больше вопросов, чем случай с орлом. Если выбирать между орлом и, скажем, салютом из пушек, обязанным его напугать, я больше верю в случай орла. Я бы даже поверил, что не было никаких особых торжеств, а были только ворота из двух сплетенных берез и солдатская радость по случаю появления птицы.

И кто знает, может быть, приплывшие в тот день на Заячий остров только с появлением пернатого гостя действительно осознали, что установка ими игрушечных ворот из березок – на самом деле большое событие: потому как нельзя пренебрегать предзнаменованиями.

А может быть, наоборот: «здесь будет город заложен» (ну не город еще, а крепость), и тому, что изначально переживается как событие, должна отвечать какая-нибудь необыкновенность – птица ли прилетит, сойдутся ли облака особым образом, переменит ли ветер направление трижды, а то, может быть, сон приснится царю. Мало ли что. Обязательно будет замечен знак. В данном случае – орел прилетел. Было бы другое, мы знали бы о другом. Но тут – орел. Отчего же не верить в орла?

И потом еще ворон – тот самый, из нашей семейной истории, он тоже меня заставляет поверить в реальность орла.

Есть ощущение, что эти истории птичьи что-то соединяет.

Если бы мне рассказали про то, как человек спас ворона от ястреба и ворон стал прилетать к человеку... ну и так далее (о чем я сам чуть раньше рассказывал)... то, наверное, не поверил бы, сказал бы: ну-ну. Литература. Кино.

Механизм недоверия тот же, что и в случае с прилетом орла на березовые ворота.

Между тем я ведь точно знаю, что с отцом произошло что-то такое.

Вижу, как размывается истина в мифе, но ведь я же знаю, что она никуда не пропала, и ощущаю ее присутствие.

Липа за сараем, береза перед крыльцом – не это главное.

Ворон был. И было с вороном нечто. Нечто главное.

Вот и с орлом.

Неправда ваша

Хорошо, если бы так. Хорошо в том отношении, что мне это нравится.

Но есть кое-что, настроение портящее.

Тут я должен упомянуть об изысканиях историка П. А. Кротова.

Рукописью, о которой шла выше речь, он занимался предметно – после Шарымова.

У Кротова репутация ниспровергателя мифов. Он полагает, что и здесь докопался до истины. В своей книге «Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи» он пытается меня убедить, что автора этой рукописи определил точно – то П. Н. Крёкшин, сочинитель, которому доверия нет. Что рукопись эта от начала до конца художественный текст и что нет в нем никаких признаков исторического документа. Говорю «пытается меня убедить», потому как я готов признать, что других он вполне убеждает. Но отчего-то все во мне сопротивляется верить в разгадки всех «загадок». Да, это, если угодно, вопрос веры. И дело не в убедительности аргументов, с которыми не хочу разбираться даже, дело, да, лично во мне – неужели вы думаете, я откажусь от орла и ворона и, главное, от того зыбкого ощущения, будто что-то сам угадал?

Был бы жив Шарымов, мне кажется, он бы возражал Кротову, он бы рогом уперся, но не позволил бы свести источник исключительно к мистификации, литературному курьезу. Нет, я не говорю: сколько историков, столько мнений, – но давно у меня подозрение, что иной «аргумент» для историка вроде волшебной палочки для факира. Вот не было, а теперь есть: в руках возникла улика – следите за пальцами – «марабус, карабус, тарабус...» – и мы уже в другой реальности, – во всяком случае, наше прошлое, как ее часть, он уже переформатировал... Крёкшин, не Крёкшин?! Хотите, я докажу, что автор этой рукописи – мой любимый Козьма Прутков? Или нет, лучше – дед его Федот Кузьмич, автор «Гисторических материалов» и, между прочим, Крёкшина современник. Да запросто! Даже поверхностный текстологический анализ обоих сочинений выдает одну руку... Федот Кузьмич Прутков!.. А вы говорите!.. Крёкшин... Петр, который Никифорович...

Вспомнил стихи из поэмы Геннадия Григорьева «Доска» – бальзам на душу. Это где Григорьев-поэт посещает место дуэли Пушкина за Черной речкой и узнает, что дуэль была не совсем там, где принято считать, а чуть в стороне – на территории секретного завода, «где делают детали для ракет, а также сковородки и кастрюли». Вот:

С какой-то чисто русской тоской
рассказывал мне сторож заводской,
что поднимал свой пистолет дуэльный
Дантес в районе нынешней котельной.
И там на белый снег упал поэт,
где нынче расположен туалет.

Дуэль была за каменным забором?
За проходной, закрытой на запор?
Когда б я согласился с этим вздором,
то я бы снес и каменный забор!

Не важно, что там было в самом деле.
Чем вам не место пушкинской дуэли —
широкий луг и древний дуб над ним?

Что говорить! Что было – то уплыло.
И будет все не так, как это было.
А так, как сердцем этого хотим.

Да пусть хоть нотариально заверенным документом подтвердится авторство Крёкшина – с непременным его признанием, что все выдумал; да пусть хоть сама тень Крёкшина одновременно явится всем российским историкам и клятвенно подтвердит, что не восходит текст злополучной рукописи ни к каким историческим свидетельствам – мне-то какое горе до этого, когда я уже увидел мысленным взором и ворона отцовского, и того орла?

И будет все не так, как это было.
А так, как сердцем этого хотим.

И это по-петербургски. (Подумал я на трезвую голову.)

Любо прислушиваться к силе внутреннего сопротивления веским доводам «дворника заводского».

Но почему любо? Любо-то почему?

Задумался о природе внутреннего сопротивления. Не в нем ли сила того, что называют «петербургским мифом»? Не в том ли она внезапном упрямстве цепляться за что-то, увиденное по-своему – без «аргументов»? Говорили, «петербургский миф» иссяк, ушел еще с тем Петербургом. А куда ему деться, если мы сами живем в таком мифогенном пространстве?

Зайцы что? Я не о них. Ну этих зайцев! И все эти анекдоты, изобретаемые на ходу в помощь экскурсоводам. Потешный культ Василия, увековеченного на 7-й линии В. О., – нет, Василий Корчмин, сподвижник Петра, безусловно, достоин памяти, но отнюдь не как «герой легенды о возникновении названия „Васильевский остров“» (надпись на постаменте) – притом что название острова уже в XV веке было известно... Все эти части бронзовых тел, которые надо непременно потрогать, – пяточку на барельефе, палец у городской скульптуры, – дабы надежды сбылись... Да ну это все!.. Не о том.

Но бывает, внутри тебя щёлк! – внутри тебя тюк! – и вдруг будто сам что-то понял, почувствовал и поверил, что понял – и что чувствуешь верно. И этим знанием дорожишь. Потому что – твое.

И оно готово «сопротивляться».

Петербургский миф, он в нас – в каждом. Там, где каким-то боком это касается лично тебя. Даже если не отдаешь себе в этом отчета.

Перевернутый

Вниз головой

Смотреть на мир чужими глазами. Литературный ли это только прием или вообще свойство конкретных мозгов, не знаю, но мне это свойственно. Стал перебирать претендентов на особый взгляд (исторический персонаж, представитель фауны, памятник), и вспомнил я (речь ведь идет о Петровской эпохе) о барельефе на Петровских воротах – «Низвержение Симона волхва апостолом Петром».

Петровские ворота те самые – главные ворота Петропавловской крепости. Сначала были исполнены в дереве (1708), позже – в камне (1718) – и то и другое по проекту Доменико Трезини. Упомянутый барельеф, между прочим деревянный (мастер по дереву Г.-К. Оснер), перенесен был с первых ворот на вторые, и вот уже четвертое столетие злосчастный Симон волхв висит вниз головой над аркой, словно зацепился деревянными ногами за деревянную тучу. Нет, не зацепился, горе ему – это падение.

А не надо было незримых бесов просить вознести его на небеса, чтобы этим фокусом унижить апостола Петра, просвещающего народы и способного творить настоящие чудеса силою веры.

Незримые бесы, напуганные молитвой Петра, бросили волхва, став зримыми, в буквальном смысле кинули – шарахнулись в тучах от него в разные стороны, потому что слово Петра сильнее чар дерзкого мага. И крылья волхву теперь не помогут. Крылья есть, но не для полета. А для обмана. Крылья есть, но сам падает. Падает вниз головой.

Люди внизу предаются волнению. Петр стоит среди них. Если бы не одежды на нем римского воина и вид триумфатора, трудно было бы догадаться, что это он, а не кто-то другой распугал бесов над головами собравшихся.

Таков сюжет.

Вспомнил я об этом падении вниз головой, не имея, однако, перед глазами картинки, и сразу представил, каким должен мир видеться падающему вниз головой Симону.

А видеться ему – в этот вечный, непреходящий миг падения – должен весь мир не иначе как в перевернутом виде.

Для литератора, склонного смотреть на вещи чужими глазами, такой объект как субъект, согласитесь, находка. У кого еще можно позаимствовать столь необычный взгляд, когда верх – это низ, а низ – это верх и при этом есть на что посмотреть – не просто перед глазами стена, но кипучая жизнь на подмостках истории?

О подмостках речь впереди, а сейчас о стене два слова.

Она не загораживает. До нее метров сто. Речь идет о стене Иоанновского рavelина с одноименными воротами, чуть отнесенными влево от направления взгляда волхва, низвергнутого с небес. Барельеф на фронте аттика Петровских ворот расположен высоко над землей, так что не надо за Симона переживать, видит он далеко, стена ему не помеха. В петровские времена, когда Иоанновский рavelин был еще древо-земляным (впрочем, как и вся крепость), не мог он тем более притязать на ограничение кругозора низвергнутого кудесника. Каменные стены, скорее для солидности, чем для обороны, стали возводиться уже после Петра – в 1731-м.

Да и вообще Петровские ворота – единственное сооружение в крепости, которое с петровских времен сохранилось в почти нетронутом виде. Обстоятельство, подтверждающее значение нашего выбора: Симон как субъект восприятия – это нечто вообще уникальное.

В самом деле, первый в городе памятник (а Петровские ворота по-всякому памятник), воздвигнутый задолго до Медного всадника, сохранился вполне, и даже в его наиболее уязвимой части – деревянном барельефе (респект реставраторам), тогда как исчезло множество монументов поздних эпох; в одном только XX веке счет потерь на сотни идет (на одну-две, без преувеличения). Бронзовые конные статуи пошли в переплавку, гранитные кумиры не уцелели, а деревянный барельеф по нашим масштабам допотопных времен (кажется, каламбур? – главные наводнения действительно впереди) словно вызов бросает – всему – времени, климату, смене общественных настроений. Кстати, да: корону с двуглавого орла, украшающего эти ворота, в свое время скинули, но на волхва и с небес его низвергающего апостола покушений не было.

Надо бы добавить, что эти ворота часто называют триумфальными. Действительно, они построены по образцу триумфальных ворот, воздвигнутых тем же Трезини в Нарве, – это когда Петр в 1704 году, через четыре года после жуткого поражения от Карла XII, наконец овладел городом. О нарвском триумфе (иначе – реванше) и должен был напоминать весь облик главных ворот новой крепости на Неве. А шире – это памятник вообще русским победам в Северной войне, о чем, собственно, и сообщает нам барельеф с низвержением возгордившегося неудачника.

Ибо этот гордец, падающий вниз головой, символизирует вполне определенную личность – Карла XII.

Правда, шведский король не носил бороды, а этот тип еще как бородат, но ведь и Петр здесь ростом не вышел, а какого Петра этот Петр символизирует, у нас, кажется, сомнений нет.

Может быть, потому Симон—Карл здесь бородат, что реальный наш Петр не любил бороды?

Вот и на барельефе Петр без бороды, хотя в иных случаях апостол Петр всегда с бородой (и без лат, разумеется, – он же из рыбаков).

В свое время (1890) Ю. Б. Иверсен, большой знаток медальерного искусства, опубликовал в «Историческом вестнике» статью о так называемых сатирических медалях. Были, оказывается, и такие, памятные. Речь шла о медалях на Северную войну, выбитых не то в Швеции, не то еще где-то (происхождение точно не установлено), в осмеяние противников Карла XII,

в частности лично Петра I, с треском проигравшего первую битву под Нарвой (1700). Правда, изготавливались эти медали частными лицами неофициально, без правительственного дозволения, но вполне в духе, надо полагать, настроений молодого шведского короля. Иверсен описывает несколько образцов и приводит изображения. На одном показан подлетевший к солнцу Икар; воск больше не скрепляет крылья, и голый бедолага падает, как полагается, вниз, теряя перья. Дата «1700» не оставляет сомнений, кто сей герой. Царь московитов, кроме того, представлен на оборотной стороне медали: здесь он убегает с поля боя, вытирая платком глаза и теряя на ходу царскую шапку и меч. Падение худотелого Икара сопровождается комментарием: *MAGNIS EXCIDIT AVSIS* («Отчаянное предприятие не удалось»). Не знаю, добралась ли эта медаль до Петра (ведь попала же она в собрание Императорского Эрмитажа, где в минц-кабинете старшим хранителем как раз был Иверсен). Скорее всего, до Петра дошел слух об этом изделии – как своеобразный отклик на историческое событие; русского царя, конечно, интересовало, что думают о нем в Европе, особенно после того тяжелого поражения под Нарвой. А если так, то Симон волхв – не ответ ли это? Нет ли здесь, как бы это, дискуссии? Оба они, Икар —Петр и Симон—Карл, падают с высоты и все-таки по отношению друг к другу, обратим-ка внимание, выглядят не одинаково. Икар на медали, пожалуй, в более выгодном положении. И дело не в том, у кого голова ниже, а в том, что Икар все же на небо взлетел сам, напрягая мускулы, а Симон, хотя и наделен на барельефе какими-то перепончатыми крыльями, совершенно бесполезными, на небо вознесся при помощи бесов. Но возможно, царь Петр ничего не знал о существовании этой маловажной медали, тогда нам стоило бы изумиться тому, как работала мысль у разных сторон в одном направлении.

Так вот, Симон, значит, низвержен. Каково ему, перевернутому?

Мне сейчас об этом легко говорить, у меня сейчас перед глазами изображение. А когда я недавно вспомнил этот сюжет и мысленно представил падающего вверх тормашками Симона—Карла и когда обрадовался я формальной возможности увидеть его глазами все в перевернутом виде, не было у меня тогда перед собою картинки. И память меня подвела.

Не мог этот Симон—Карл видеть все в перевернутом виде.

Достаточно взглянуть на него в натуре, и все станет ясно.

Несчастный волхв действительно падает вверх ногами, головой вниз и лицом к нам, но как-то не совсем по-человечески. Он, оказывается, к нам еще и спиной обращен (я по памяти воображал, что животом), при этом голова у него, как видно, закинута на спину, да так сильно, что он, должно быть, в спину уперся затылком. При таком положении головы лицо у него ориентировано в пространстве так же, как у тех, кто стоит на земле, – то есть подбородком вниз. И никаких перевертышей.

Ну вот зачем ему скульптор так странно, так неестественно вывернул шею: вниз головой падает, а голова – словно он и не падает вовсе?

Обидно. А я уже напридумывал, как показать события с позиции «от противного» или когда все представляется «наоборот». Ситуацию придумал, когда «мир перевернулся» – именно для Карла XII, деревянного, в перевернутом состоянии смотрящего на Троицкую площадь, с которой начинает застраиваться Петербург. «Назло надменному соседу». Но вверх тормашками.

Других падающих вниз головой у меня для вас нет.

Раздосадованный автор отказывается от приема.

Поразмыслив, однако, стал я думать, что грех обижаться на Г.-К. Оснера за то, что вывернул голову низвергаемому. Нет здесь, похоже, случайности – есть тут, похоже, замысел. Не для того падает этот Симон—Карл бородою вниз, а темечком кверху, чтобы таких, как я, обмануть в ожиданиях, а для того, чтобы сообщить идею.

Он сейчас видит реальность в том же ракурсе, что и все остальные (не перевернуто). Только они, двадцать человек очевидцев, включая Петра, на земле стоят, и твердо стоят, а он вниз головой падает, но видит так же.

Насчет ракурса уточним. Вообще-то, на земле твердо стоящие иные персонажи композиции этой кто куда глядят. Некоторые даже глаза закрыли, не в силах выдержать такое зрелище. Кто-то по той же причине отвернулся от низвергаемого и смотрит куда-то в сторону. Кто-то глядит на него, пораженный. Иные смотрят на нас как бы. Среди них сам Петр. Но его задача – не на нас глядеть (что он здесь не видел?), а нам показывать. Он правой рукой указывает на камни, составляющие фундамент собора Петра и Павла, окруженного крепостной стеной: вот где настоящая твердь. Так или иначе, все зрители, изображенные на барельефе, кто бы куда ни глядел, поглощены одним событием, – его же виновник, летя вверх ногами, видит мир в целом.

Для Симона—Карла это момент истины.

Правильно: не в перевернутом виде явлен ему сейчас мир, а в самом что ни на есть настоящем.

Ему словно сказали: «Смотри!»

Оттого и повернута так голова. Чтобы все правильно видел.

Это раньше все виделось ему не так, это раньше ему виделось перевернуто, только нет у него теперь никакого «раньше».

Остальные, кто бы куда ни глядел, глядят не *сюда*.

А он – прямо *сюда*.

И сюда – *прямо*.

Низвергаемый соглядатай

Вверх тормашками падающий, но голову прямо держащий, будто на ногах твердо стоящий, что же он видит, Карл волхв?

А то и видит, что ему показывают.

Что-то строится. Чем-то торгуют. Что-то празднуют. Кого-то казнят.

Все события – перед глазами, на обширной площади, первой в городе, за первым городским мостом, тогда Петровским – на большом острове, который все реже называют Березовым, но чаще Городовым, Городским островом в силу того, что именно здесь рождается Город. А потом остров назовут Петербургским. А потом, не скоро – Петроградским, согласно метаморфозе Петербург – Петроград, связанной с началом Первой мировой. Петроград, как известно, станет Ленинградом, который в конечном (в конечном ли?) итоге снова станет Санкт-Петербургом, но это все уже никак не отразится на названии острова, что я, уроженец Ленинграда, ныне на данном острове проживающий, торжественно удостоверяю: он – да, Петроградский. И станция метро в десяти минутах от нашего дома – «Петроградская». Но есть еще остров Петровский. Прошу не путать.

А Ленинградская – это область. То есть область Петербурга, но без самого Петербурга, она на данный момент – Ленинградская. Как будет дальше, кто ж знает? Но мы, кажется, отвлекаемся.

Так вот, все события – перед глазами, на обширной площади, первой в городе.

Город, если в это можно поверить низвергнутому с небес, откуда-то взялся и стал получаться – быстро меняется, растет, утверждается, лишая стороннего недоброжелателя всякой надежды оказаться всего лишь сновидцем. Нет, не сон. Все реально. Все предельно конкретно.

Впереди, на открытой местности, прямо перед глазами низвергнутого ютится домик русского царя-соперника; он с таким расчетом поставлен, чтобы Петр-царь прямо из окна мог смотреть, как строится крепость. А сказать фигурально – как низвергается Карл волхв. Если бы не изрядное расстояние, поболее, чем в пушечный выстрел, оба могли бы играть в гляделки. Теоретически.

Конечно, в гляделки низвергнутый Симон—Карл практически переиграет любого, и все же любой, кто подходит к Петровским воротам, волен поднять глаза на крылатого мутанта, падающего вниз головой, остановиться и осознать несравненную выгоду своего положения: ноги стоят на земле и под подошвами твердь.

А он, падающий, руки тянет к земле, как будто просит помощи у того, кто глядит на него, но глаза его широко открыты на весь мир перед ним, так что ну его с этим взглядом, лучше дальше пройти.

Придет еще в голову, что все представление под названием «Возникновение Петербурга» специально устроено для него.

А то! Скосить ему вправо глаза (даром что не повернуть голову), и за вершинами невысоких сосен, что растут на песке на том берегу, взгляд Карла, дважды перечеркнув Неву, делающую крутой изгиб, различит с высоты низвержения нечто похожее на зуб-отломок – это развалины Ниеншанца. Памятник легкомыслию шведских королей – отчасти самого Карла XII, но в большей мере его отца и деда, своевременно не озаботившихся подобающими укреплениями. Русская пословица «Гром не грянет, мужик не перекрестится» в невских событиях больше отвечала беззаботности шведов. По-настоящему они забеспокоились лишь осенью 1702-го, когда потеряли Нотебург (бывший Орешек, или Шлиссельбург по петровскому переименованию), тогда и сожгли в спешном порядке свой город Ниен подле крепости Ниеншанц: еще надеялись ее удержать, а в интересах обороны пространство перед крепостью должно быть голым.

Деревянные здания молодого Санктпетербурха, определившие вид первой городской площади, могла бы ждать та же судьба, когда бы узнали о приближении неприятеля. Впрочем, после Полтавы это стало маловероятным в среднесрочной, как говорят сейчас, перспективе. Пожары были, но не Марс их виновник.

Например.

Сгорел первый Гостиный Двор в 1710-м, пожар был такой, что пострадали корабли на причале. Так что Симон—Карл низвергнутый видел, как новый Гостиный Двор строили пленные шведы. Через восемь лет горело здание Коллегий. Свято-Троицкой церкви особенно не везло, но это уже на протяжении более двух веков: прежде чем ее окончательно снесли в 1933-м, она дважды горела (1750, 1913), разрушалась наводнением (1825), несколько раз перестраивалась, – по сути, это были разные здания, всегда деревянные – восстановленные приблизительно по образцу первоначального храма. Не хочу сказать, что низвергнутый Карл волхв испепелял дерево взглядом, но построена церковь была – в память взятия Выборга, через год после Полтавы; только это ведь как для кого, – для низвергнутого – в память потери.

А еще, говорят, шведский колокол был на ней установлен, трофей из города Або. На глазах низвергнутого символического короля.

Ну, тут без обид. Ничего особенного. Карл XII сам в 1701 году повелел три трофейных колокола, захваченные десантом контр-адмирала Нумерса где-то на Ладого, передать шведской кирхе в Карлскруне.

Не закрыть глаза на шведскую тему.

А церковь потому Троицкая (Свято-Троицкая), что основан был город на Троицу. Церкви нет, но есть название площади: Троицкая – церковь дала. А мосту через Неву, воздвигнутому в начале XX века, дала уже имя сама площадь: Троицкий мост.

Сейчас она, при всех ее размерах, не столь просторна, как в петровские времена. На месте церкви – аккурат где была алтарная часть – дом с массивными колоннами, образец сталинского неоклассицизма (без архитектурных, правда, излишеств), и это теперь дальняя граница современной площади. Да и сама теперешняя Троицкая не очень на площадь похожа. Сегодня это, пожалуй, регулярный сквер-сад.

В конце мая, когда отмечают День города, она тонет в благоухании сирени. Помню ее, какой была в годы моего детства: да такой же почти, но только был богатый на ней цветник, роз особенно много, и память мне до недавнего времени рисовала (похоже, меня обманывая) чуть ли не море красного – как бы в оправдание тогдашнего названия сего пространства – площадь Революции, но сейчас меня поправляют: там было много и белых, и чайных роз, и каких только не было. Именем Революции площадь была обязана, конечно, особняку балерины Кшесинской, той самой Матильды, – в апреле семнадцатого большевики в явочном порядке превратили здание в свой штаб, Ленин с балкона произносил речи. Впрочем, название «площадь Революции» – не единственное «революционное» название площади: она успела побыть одновременно и площадью Коммунаров, и площадью Тринадцатого Июля. Последняя дата связана как раз с ликвидацией большевистского штаба в особняке Кшесинской и полулегальным заседанием ЦК (в этот день балерина, кстати, навсегда покинула Петроград, но все-таки не из-за ее отъезда назвали площадь). А Ленин и Зиновьев в этот день уже скрывались в Разливе. Помню Ленина в парике – ну как помню? – когда я учился в школе, нас водили сюда, в бывший особняк Кшесинской, тогда – Музей революции, но почему-то все, что запомнил, – это две фотографии: Ленин в парике и без бороды (сейчас очень известная) – не похож! – и Камо, урод какой-то, а нам показали только что фильм «Камо», и там, на экране кинотеатра «Знамя», отважный красавец-большевик, совсем другой человек, претерпевал пытку. В общем, сейчас это Музей политической истории России, революции мало в музее, но много про сталинские репрессии. Памятник жертвам сталинских репрессий собираются воздвигнуть на Троицкой

площади. Сейчас там установлен камень, привезенный с Соловков, – по-моему, он говорит сам за себя, и, на мой, человека, недолюбливающего современные памятники, взгляд, ничего другого не надо – лучше соловецкого камня памятника не будет.

Низвергаемому соглядатаю это все неинтересно. Чужая история.

Хотя как посмотреть. Многих пленных шведов Петр отправил в Сибирь, а моряков еще дальше – на Дальний Восток, где они внесли свой вклад в освоение новых морских путей... Как ни странно, Сибирь оказалась не худшим вариантом для пленных шведов, во всяком случае для офицеров. Там они попали под начало князя Гагарина, сибирского губернатора, им благоволившего. Князь Матвей Гагарин, сподвижник Петра, выполнявший многие царские поручения и на юге, и на востоке державы, один из богатейших людей своего времени, сказывали потом злые языки, будто бы в пору сибирского губернаторства додумался до сепаратизма, а опору себе он чаял найти будто бы в персональной войске из пленных шведов...

Но повесили его на Троицкой площади (1721) не за это. За лихоимство.

Между прочим, на шведах он и прокололся: растратил казенные деньги на их сибирское содержание (что несколько странно – при его-то богатстве?..). А потом раскрыли и прочие случаи казнокрадства.

На самом деле история темная. Не мне судить.

Князь Гагарин висел несколько месяцев, – в петровские времена тела казненных – или остатки тел, если, допустим, колесовали – не убирали подолгу. Оно и понятно: в назидание современникам. И для острастки. Чтобы помнили. Чтобы знали.

Вряд ли этот визуальный привет адресовывался низвергнутому Карлу волхву, ему и самому на его барельефе не позавидуешь, но он, застывший во вневременном падении, все никак разбиться не может, – здесь печальнее случай: труп однажды сорвался с прогнившей веревки, его, по обычаю, снова повесили. Малорадостный спектакль. Неувлекательный. С другой стороны, расстояние от неподвижно-деревянных глаз нашего падуна до образцово-показательной виселицы изрядно, можно и не различить докучливых деталей, но каково же истинным адресатам послания – президентам коллегий, и вицепрезидентам, и советникам, и ассессорам, и прокурорам, – каково тем, кто ходит на службу в Коллегии, ведь сибирский губернатор повешен прямо перед их окнами?

Царь предпочитал казнить со значением. Помародерствовали на пепелище торговых рядов – тут и висите. Согласно жребию – каждый четвертый. Всех дезертиров не перевешать? Пусть жребий из десяти одного выберет.

Вешали, четвертовали, обезглавливали так часто, что первые петербуржцы посещали места финальных торжеств гораздо чаще, чем, полагаю, современный среднестатистический россиянин ходит в кино. Петр любил зрелища.

Особенно поучительные.

Проигравший и победитель

А еще символический шведский король обречен был в своем низвержении лицезреть викториальные торжества. Чужие праздники.

Чужие праздники – по случаю его – ну как бы его – неудач.

Годовщины Полтавы и победы у деревни Лесной (виктории, во многом предопределившей Полтаву и хорошо подзабытой нашими современниками), Гангут, Гренгам...

То триумфальная пирамида, то триумфальная арка возникали на виду символического двойника короля Швеции.

Тогда как перед глазами его, падающего с высоты, Петр командовал парадными гвардейскими полками и здешний воздух сотрясся от залпов пушек, исторический Карл XII залечивал в Адрианополе раны, переломы стопы, впрочем полученные не под Полтавой (раненная *там* нога уже зажила), а в «калабальке» – сумасшедшей стычке с янычарами, своими союзниками.

В июле следующего года, когда он вновь оказался в седле и готовился покинуть пределы приютившей его Османской империи, случилось так, что в другом конце Европы, у мыса Гангут в Балтийском море, шведский флот потерпел поражение от флота русского. Первым ли штурмом или с третьей попытки взяли на abordаж фрегат «Элефант» и другие шведские корабли, это предмет спора историков – к зрелищности триумфа оно отношения не имеет: архитектор Трезини соорудил на Троицкой площади, всяко одно, триумфальные ворота со слон-«элефантом», орлом-победителем и прочей аллегорией, и торжественный ввод пленных шведских кораблей в Неву состоялся. В параде на площади вместе с победителями участвовали побежденные – разумеется, в статусе пленных. Лично шаутбенахт Эреншельд, которому Петр не упускал случая оказать почести, шел, глядя в спины русским унтер-офицерам, что несли низко склоненный флаг с его корабля; по свидетельству современника, он был одет «в новый, шитый серебром, подаренный ему царем, кафтан». О деревянном барельефе он, смею думать, ничего не знал и даже догадаться не мог, кто на него смотрит. Хотя встретиться их глазам все же случай представился. Офицеры обеих сторон для участия в дальнейшей церемонии отправились в Сенат, что располагался тогда в крепости, а стало быть, прошли через Петровские ворота, еще первые, деревянные, – прямо под низвергнутым волхвом-Карлом, но даже если бы Петру пришлось в голову провести экскурсию, вряд ли бы шведы признали в поверженном бородаче своего доблестного короля.

Королю Карлу между тем оставались считанные дни для его решительного предприятия – персонального скоростного рывка через всю Европу к себе на север, на Балтику. С измененной внешностью, инкогнито, никем не гонимый, он оставит свой огромный, медленно идущий отряд далеко позади. Этому двухнедельному конному броску, ошеломившему современников, самое место, без иронии, в Книге рекордов Гиннесса. Биографы будут подсчитывать, сколько миль он преодолевал за день, – больше ста! Барон Мюнхгаузен отдыхает (впрочем, он еще не родился). В наше время появляются энтузиасты, желающие по каким-то своим, концептуальным соображениям повторить на лошадях путь Карла – с лекциями, там, с просветительскими представлениями и наглядными реконструкциями, но, кажется, без претензий достичь его скоростей. А нам вся эта история еще вот чем интересна. Они ведь ничего не знали друг о друге, разнесенные на расстояние, – Петр и Карл: чем был занят другой в данный момент времени, – но словно между ними возникало необъяснимое напряжение. Каждый день торжества победителей в «царствующем граде» приближал минуту королевского эксцесса: словно сжималась пружина, чтобы, резко распрямившись, взлететь.

Да уж не заместительный ли образ низвергнутого волхва, соглядатайствующего в непрерывном падении, – проводник этого напряжения? Вот вам сюжет для мистического сочинения. Но требует проработки.

В 1718 году закончилась постройка новых, каменных Петровских ворот. Если правда все про барельеф и был он тогда же действительно перенесен на каменный аттик со старых деревянных ворот, то с вовлечением в камень, с одеванием в камне, зыбкое положение Карла волхва, зависшего между небесами и земной твердью, обрело вдруг основательность, монументальность и, можно сказать, завершенность. В тот же год, 18 декабря, на бруствере при осаде норвежской крепости Фредриксхальд, в поздний час темноты и затишья, жизнь Карла XII оборвалась. Выстрела никто не слышал. Тридцатишестилетнего короля убило пулей в висок, то ли датской, то ли от своих, – загадка, конечно, на века, но куда то загадочнее, что не убило раньше.

Однажды перед глазами волхва возникла очередная триумфальная пирамида – это означало: шведы проиграли морскую битву при Гренгаме. И снова ввод в Неву трофейных кораблей – теперь четырех. Мир, который ненавидел Карл, теперь без него приближался.

Он получил имя Ништадтского.

Конец великой Северной войны.

Ликованию победителей не было предела.

Волхв наш потерянный был обречен наблюдать на Троицкой площади маскарад.

Да что маскарад!..

Описания торжеств, посвященных Ништадтскому миру, заставляют вспомнить Светония – по размаху, расточительной щедрости и экстравагантности это уже что-то из времен Древнего Рима. Впрочем, и неудивительно. Именно тогда, на второй день небывалых торжеств, Петр был провозглашен императором.

Отцом Отечества, Императором и Великим.

Петербургская ночь

Мы не упомянули кикимору, знаменитую петербургскую. Надо ли? Столько уже про нее написано в наши дни. Разрекламирована, распиарена как исторически первая городская нечисть. Ее историей открывают обычно экскурсии по теме «Мистический Петербург».

Пожалуй, надо – и по трем причинам. Во-первых, наш падун, никогда глаз не смыкающий, – единственный – и до сих пор не учтенный – сторонний зритель (что ему темнота!) тех странных ночных событий на Троицкой площади. Заметим, что солдат, охранявший в ночь на 9 декабря 1722 года вход в Троицкий храм, сам ничего определенного не видел и видеть не мог в темноте, а только слышал, как кто-то громыхал в трапезной. Есть разница восприятий. Во-вторых, документы Тайной канцелярии, касающиеся этого темного дела, хранились многие десятки лет в опечатанном сундуке рядом с нашим все эти годы низвергаемым волхвом – здесь же, в Петропавловской крепости. Здесь же, в ее застенках, допрашивали по этому делу *кого следует*, да так, что еще трудно сказать, чье положение было устойчивее – нашего ли падающего вниз головой или тех несчастных. В-третьих, этот кудесник, вознесенный на небо бесами, принадлежит вместе со всей их inferнальной компанией, изображенной на барельефе, той же стороне реальности, что и нечистая сила, так ярко о себе заявившая в трапезной и на колокольне Троицкой церкви. Определенно этот случай для нас.

Сведения о злополучной кикиморе восходят к публикациям М. И. Семевского.

В начале 60-х годов позапрошлого века отставной подпоручик Михаил Семевский, пренебрегший военной карьерой ради исторических изысканий, получил доступ к бумагам Тайной и розыскных дел канцелярии, – в то время эти документы, разобранные «по картонам», хранились уже на стеллажах Главного штаба, в архиве Министерства иностранных дел. Колорит Петровской эпохи пленил молодого историка. Он обнаружил в себе литературный дар. Беллетризованные очерки Семевского о розыскных делах петровского времени – все же, по-нашему, «документалистика» – публиковались в различных изданиях и снискали внимание публики, но наибольшую известность они обрели спустя двадцать лет, будучи изданными в 1884 году отдельной книгой «Слово и дело!» (в заголовке новейших переизданий восклицательный знак почему-то теряют). Один из этих очерков так и называется: «Кикимора».

История с кикиморой по Семевскому вдохновляла других писателей.

В советское время эта кикимора искупалась в лучах всесоюзной известности, – с ее мимолетного появления (третий абзац), по сути, начинается роман Алексея Толстого «Сестры», а посмотреть шире – и вся трилогия «Хождение по мукам», удостоенная в конечном итоге Сталинской премии.

Примечательно: революция, Гражданская война и все эти по мукам хождения начинаются с кикиморы петровских времен, а вот в романе «Петр Первый» того же автора дело так и не дошло до кикиморы – повествование обрывается на взятии Нарвы, 1704.

В «Сестрах» вот то самое место:

«Еще во времена Петра Первого дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста...» —

(стоять ей оставалось несколько лет; роман создавался в эмиграции; примечательно, что в это время мост уже назывался мостом Равенства) —

«...спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору...» —

(нет, согласно делу № 17 (картон VII), изученному Семевским, кикимору никто не видел; только солдат слышал грохот в трапезной; на колокольне же доказательства пребывания нечисти обнаружил утром псаломщик, а что это именно кикимора была, так то дьякону поп сказал)

«...худую бабу и простоволосую...» —

(художественный вымысел; только грохот из трапезной раздавался) —

«...сильно испугался...» —

(все потом испугались) —

«...и затем кричал в кабаке...» —

(где кто кричал, никому не ведомо; вряд ли кричали – говорили шепотом, но слух по городу, вероятно, распространился скоро, иначе бы и дознания не было) —

«Петербургу, мол, быть пусту», —

(по Семеvскому, «Санкт-Питербуpху пустеть будет», – на современный слух не очень складно, но ведь жутко по смыслу: будет пустеть ему – Санкт-Питербуpху) —

«...за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно» —

(сослан был на каторгу на три года, а нещадно бит батогами, согласно Семеvскому, был осужденный одновременно с дьяконом, по другому дознанию – дело № 15 (картон VII), – некий швед-ведун, предсказавший царю три года жизни).

Упомянутый в скобках швед-ведун оказался упрямым. Почти как волхв низвергнутый. А еще и провидцем: сбылось! Но к делу о кикиморе швед-ведун отношения не имеет.

Да и не о кикиморе дело было. Как таковая кикимора, похоже, следствие не интересовала. Кикимора – ну и что? Следствие интересовало значение слов, ляпнутых неосторожным дьяконом. Чаять опустения Петербурга – это государственное преступление.

Писательский триумф Алексея Толстого в Советской России пришелся на время, когда Михаил Семеvский был уже прочно забыт. А теперь и «Хождение по мукам» не читают, как прежде читали. Антикварное собрание сочинений Алексея Толстого в 10 томах (1958) продается по цене банки пива за том, «возможен торг». Но жива память о кикиморе. Новую популярность петербургской кикиморе принес интернет. Стремительно растет кикиморин рейтинг.

Со своей стороны, хочу обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Дата 9 декабря по старому стилю – это канун зимнего солнцеворота – зимнего солнцестояния. С астрономической точки зрения самая долгая ночь в тот год началась 10 декабря, но такая точность тут не важна; безусловно, дата происхождения с кикиморой относится к тому временному промежутку из нескольких суток, когда зимнее солнце практически не меняет склонения (солнцестояние – солнце стоит), день, по ощущениям, перестает уменьшаться и до предела разросшаяся ночь (петербургская ночь!) повторяется в своей безрадостной полноте. Уроженцы иных краев – и солдаты, и священники, и прихожане, и заплечных дел мастера – с одинаковой гнетущей тоской переживали это темное время.

Вспоминается злой дух Карачун, повелевающий мраком и холодом; зимний солнцеворот – это время его чар.

А что до политических репрессий – были перед глазами нашего падуна и посильнее примеры. Вскоре после того, как окончательно уничтожили деревянный Троицкий храм, на той стороне площади Революции вознесся жилой объект – ныне почитаемый как памятник эпохи конструктивизма. Дом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев был заселен семьями узников самодержавия. Ненадолго. Через четыре года дом уже расселили, иных жильцов расстреляли. Дом политкаторжан стал ленинградским символом репрессий 1937-го. На мемориальной доске, повешенной во дворе, значатся имена 54 уничтоженных. Считается, этот список неполный.

Футуризм, и не только

Он не просто свидетель – на сегодняшний день он единственный уцелевший свидетель возникновения Империи. Покажите еще кого-нибудь, у кого на глазах Петр вошел бы в храм царем, а вышел императором. Он один – один уцелевший.

В Швеции монархия сохранилась, в России – нет; послужило ли оно утешением низвергнутому гордецу, гадать не будем, но этот падун не только свидетель рождения великой Империи, он еще и зритель ее финальных сцен. Неспроста ведь именно эту площадь, а не какую-нибудь иную (Дворцовую даже) называли площадью Революции.

Затянувшийся на три столетия гибельный миг – как-никак момент истины. Сном при открытых глазах, галлюцинацией, невероятным видением могла предстать перед ним четырехсотметровая, самая большая в мире башня – «Памятник III Интернационала», – именно для этой площади по поручению Наркомпроса проектировал ее *безбашенный* Татлин.

Высота башни должна была быть 400 метров. Она бы тоже падала. Тоже падала бы – и не могла бы тоже упасть – не в подражание башне в Пизе, но в подражание планете Земля. Угол склона ее несущей опоры, если верить поздним исследованиям этой неосуществленной идеи, равнялся углу отклонения оси земного вращения – $23,5^\circ$. Впрочем, сам Татлин чертежей не оставил, кроме двух изображений общего плана; утрачены авторские модели сооружения, притом что одна из них удостоилась золотой медали в Париже. Числовые значения и прочая конкретика – от поздних интерпретаторов проекта, учеников и последователей. А также от фантазеров, замороженных идеей Татлина. Приходилось, например, читать, что несущая опора и ось Земли должны быть параллельны, а сама склоненная башня должна быть направленной на Полярную звезду, – и все будто бы по замыслу Татлина, но подождите, положения не согласуются одно с другим, противоречивы. Полярная звезда – это, конечно, всегда красиво, но как быть с тем, что угол ее возвышения над горизонтом равен широте местности, – для Петрограда он 60° ? Похоже, от невозможной башни и ждут невозможного. Замысел Татлина и сегодня сносит крышу отдельным энтузиастам, пытающимся разгадать загадки неосуществленного проекта. Волхв бы, кудесник, может быть, разобрался. Что касается звезд и небес, это к нему – с неба низвергнутому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.